

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И
ТОРГОВЛИ ИМЕНИ МИХАИЛА ТУГАН-БАРАНОВСКОГО»

КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

«ГЕОЭКОНОМИКА» курс лекций

...

Одобрено на заседании кафедры
экономической теории
(протокол №11 от 31.03.2020 г.)

Зав. кафедрой

М.В. Фомина

ДОНЕЦК – 2020

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
Государственная организация высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»

Институт экономики и управления
КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

«ГЕОЭКОНОМИКА»

курс лекций

ДонНУЭТ
Донецк
2020

Содержание

	Стр.
Тема 1. Введение в геоэкономику.....	3
Тема 2. Теоретические и прикладные проблемы развития геоэкономического пространства.....	23
Тема 3. Становление и развитие геоэкономических систем.....	41
Тема 4. Геоэкономический атлас как инструмент стратегического оперирования.....	53
Тема 5. Геоэкономические аспекты регионализма.....	64

Тема 1. Введение в геоэкономику.

Программная аннотация

- 1.1. Предпосылки и условия формирования геоэкономики как науки.
- 1.2. Национальные школы геоэкономики. Геоэкономика в системе научного знания.
- 1.3. Методы теоретической и прикладной геоэкономики.
- 1.4. Проблемы развития геоэкономики.

1.1. Предпосылки и условия формирования геоэкономики как науки

По оценке составителей “Экономического словаря”, **геоэкономика** - прикладная наука, исследующая поведение государства в конкретной ситуации, формулирующая его экономическую стратегию и тактику на международной арене.

Геоэкономика изучает широкий спектр политико-экономико-географических проблем. Однако подобное толкование нельзя считать устоявшимся и общепринятым. Для определения содержания этой науки необходимо обратиться к истории, к условиям и особенностям ее возникновения.

Термин “геоэкономика” был введен в конце 80-х гг. XX в. консультантом Совета по национальной безопасности Государственного департамента США *Эдвардом Люттваком* (род. в 1942 г).

Хотя геоэкономика - это относительно новая дисциплина, наблюдения о связи экономики, истории и географического пространства можно встретить у самых разных ученых XVIII-XX вв. Теоретические основы геоэкономики создали классическая политэкономия и геополитика. Например, знаменитый шотландский экономист *Адам Смит* (1723–1790) основывал все свои рассуждения на разделении труда (как внутри страны, так и на международном уровне), однако он практически не интересовался пространственными реалиями. Его последователь *Давид Риккардо* (1772–1823) особое значение придавал теории сравнительных преимуществ, определяющих специализацию страны в международной торговле. В своих работах классики политической экономии достаточно резко критиковали меркантилизм как учение и экономическую политику, отдающую предпочтение при накоплении богатства внешней торговле, выступая защитниками фритредерства — свободной торговли. Теоретическими противниками политики свободной торговли выступали представители немецкой исторической школы. *Фридрих Лист* (1789–1846), предвосхитивший многие их идеи, разработал концепцию “воспитательного протекционизма”, требующую активного вмешательства государства в экономическую жизнь.

Классическая геополитика иначе решала проблемы развития государства, обосновывая необходимость борьбы за расширение территории. *Фридрих Ратцель* (1844–1904) впервые предпринял попытку создания пространственного подхода к объяснению смысла политических событий. Согласно его учению процветание государства зависит от “пространства”, а точнее, от его динамичного территориального роста и географического положения. Впоследствии в сферу геополитического анализа были вовлечены демографические, социальные, военные, экономические и другие факторы, позволяющие описывать средства достижения необходимых результатов в теориях “жизненного пространства” и “жизненных интересов” немецких и американских авторов. Определенную роль в изучении экономических факторов в геополитике сыграли российские исследователи А. К. Корсак, И. И. Иванюков, А. А. Исаев, В. П. Воронцов и др. Необходимо отметить и то, что концепция “геоэкономики” впервые была выдвинута немецким историком *Фрицем Реригом* (1882–1952), который рассматривал экономический фактор как центральный в геополитике. По его мнению, в мировой экономике все сводится к тому, где расположены центры мировых бирж, информационные центры, большие производства. Эти идеи популяризировал в своих трудах французский исследователь *Фернан Бродель* (1902–1985). Таким образом, теоретические предпосылки новой науки были вызваны необходимостью анализа взаимосвязи экономики и политики. Между тем, как подчеркивают итальянские исследователи *К. Жан* и *П. Савона*, такая связь существовала всегда. Ставя перед собой определенные задачи, политика неизбежно учитывала экономические интересы. В свою очередь, экономика предоставляла политике финансовые, технологические и промышленные ресурсы, необходимые для осуществления этих целей; кроме того, она использовалась политикой и как оружие в виде экономических санкций и эмбарго.

Почему же геоэкономика возникла как отдельная дисциплина в конце XX в.? Существуют различные точки зрения на этот феномен. Например, французский исследователь Ф. Моро Дефарж считает, что появление геоэкономики как науки произошло в результате взаимодействия трех факторов.

1. *Усиление взаимозависимости, создание сетей.* Развитие телекоммуникаций, интенсификация потоков, в частности “нематериальных” (таких, как потоки информации, перемещение капиталов), ознаменовали “конец географии”. Пространство и время перестали играть решающую роль. Фактически возникла новая география; будучи чрезвычайно мобильной, она диктуется экономическими потоками, локализацией и перемещениями сфер деятельности, в которых создаются и потребляются богатства.

2. *Падение “железного занавеса”, крах коммунистических экспериментов.* На протяжении большей части XX в. крупные идеологические конфликты способствовали тому, что политико-стратегические элементы (вооруженные силы, ядерные арсеналы, средства доставки) превратились в важнейший критерий мощности государства. В настоящее время нельзя с уверенностью сказать, что конфликты идеологического характера окончательно отошли в прошлое, но такие конфликты протекают в различных формах, в разных местах и лишь в исключи-

тельных случаях в них участвуют крупные государства и тем более блоки государств.

3. *Появление новых участников мирохозяйственных связей.* Суверенные государства никогда не были единственными участниками событий международной жизни. Во все времена отдельные личности, политические и общественные движения, негосударственные институты, такие как церковь, также оказывали влияние на характер международных отношений. Конец XX в. ознаменовался проявлением ряда новых тенденций, включая открытие границ и ослабление инструментов государственного контроля; резко возросшее международное значение крупных компаний и секторов экономики.; утверждение коллективных и даже индивидуальных действий на рынках, в частности на финансовых рынках (мифы о всемогущих спекулянтах).

В результате взаимодействия этих тенденций возник анархический экономический мир, где государства, сохраняющие свои прерогативы и несущие свою долю ответственности, подвергаются дестабилизирующему влиянию со стороны хозяйствующих субъектов (предприятий и частных лиц), которые сами весьма далеки от стабильности.

Существуют и другие взаимодополняющие версии причин возникновения геоэкономики. Например, известный российский ученый Э. Г. Кочетов выделяет четыре “ключевых акцента” современной геоэкономической панорамы:

1. Стирание граней между внутренней и внешней деятельностью, внутренней и внешней политикой государств в процессе глобализации.

2. Активное развитие процессов экономизации политики.

3. Динамичное функционирование мировой хозяйственной системы, формирующей экономический “регламент” как совокупность правил функционирования национальных экономик.

4. Складывание типов (моделей) внешнеэкономических связей национальной экономики с внешним миром, влияющих на формирование целостной системы мирохозяйственных связей.

Среди названных условий развития геоэкономики особого внимания заслуживает процесс **экономизации политики** как совокупность изменений государственной политики, обусловленных:

- достижением целей, решением политических задач экономическими методами;

- смещением вектора стратегического развития от политических, идеологических, силовых и других методов к экономическим;

- приоритетом геоэкономических интересов над геополитическими и геостратегическими во внешней среде;

- экономизацией мышления дипломатического корпуса.

Экономизация политики остается в центре внимания российских ученых. В. Д. Щетинин считает, что в общих чертах суть этого процесса выражается так: политика экономизируется, экономика политизируется.

Анализируя сущность этого явления, Д.Н. Барышников отмечает появление условий, при которых “геоэкономическая и геофинансовая власть диктуют миру

свои правила игры, геополитика их “оправдывает”, а военная компонента “защищает”, дипломатия в этом случае из области искусства переходит на уровень технического оформления реального экономического предела мира.

Большинство же исследователей геоэкономических проблем утверждают, что основной причиной появления новой науки можно считать развитие процессов глобализации. Именно они привели к значительным изменениям в мировом экономическом и политическом пространстве, связанным с активным процессом международного разделения труда между странами и различными транснациональными структурами, выходом функционирования национальных хозяйств за пределы государственных границ и неизбежным в этой ситуации стиранием граней между внутренней и внешней сферой деятельности государств. В результате экономическое пространство и рынок уже не соотносятся напрямую с территорией какого-либо государства. Система “рынок-государство” уступает место системе “много государств - один рынок”. Основные черты такой системы проявляются прежде всего в тенденции доминирования международных правил и экономических законов над национальными. При этом речь идет не об изменении границ суверенных государств - просто геоэкономика порой функционирует над государственными границами и вне национальных законов отдельных стран. Так, транснациональный капитал в погоне за выгодой может перемещаться из страны в страну, туда, где существуют благоприятные условия с точки зрения налогообложения, стоимости рабочей силы и т.д. Поэтому государство может обеспечить своим гражданам занятость и благосостояние, лишь привлекая глобальные технологические и финансовые потоки, за которые в мире уже развернута ожесточенная борьба.

Геополитика “пространств”, составлявшая существо мировых взаимодействий в еще недавнем прошлом, меняется на геополитику “потоков” - геоэкономику.

Наиболее активными игроками глобального рынка являются транснациональные компании. Доля ТНК в международной торговле, по подсчетам различных экономистов и международных организаций, превышает половину, а в экспорте и импорте отдельных развитых стран достигает до 80%. Количество занятых на предприятиях корпораций по всему миру в 2008 г. достигло 77 млн человек, что превышает вдвое работоспособное население Германии. Общий объем продаж 200 ведущих ТНК превышает совокупный ВВП 187 стран мира, что составляет более 30% мирового ВВП при количестве занятых менее одной трети мирового населения. Ядро же мирохозяйственной системы составляют около 500 ТНК, сосредоточивших практически неограниченную экономическую власть, причем в каждой отрасли доминируют всего несколько супергигантов, конкурирующих между собой на рынках всего мира. Их проникновение в экономику менее развитых стран приводит, как правило, к столкновению с национальным капиталом, а через него - с государственными интересами. В результате возникла новая организация мира, где роль национальных институтов постоянно уменьшается. Этот процесс протекает параллельно процессу интеграции государств в экономические и политические

союзы. Немецкий социолог У. Бек называет этот процесс *транснациональным федерализмом*, движущей силой которого является стремление национальных государств договориться между собой и создать общую сеть, чтобы “указывать транснациональным предприятиям их рамки, дабы они не могли натравливать эти государства друг на друга”.

В мире складываются предпосылки для качественного перелома, перехода от доминировавших устремлений стран к усилению своего могущества на основании силы и расширения контроля за территориями, к попыткам преимущественно социально-экономическими методами обеспечить цели политического позиционирования.

Усиление глобализации способствовало возникновению нового вида конкуренции - **межгосударственной (геоэкономической)**. Ее главные действующие лица - государства стремятся выработать стратегию своих действий, позволяющую обеспечить национальным компаниям и хозяйственным комплексам в целом максимальные конкурентные преимущества по сравнению с иностранными предприятиями. Все эти процессы усиливают значение мировой экономики, которая превращается в мощный фактор, детерминирующий направление движения общества. Неслучайно известный американский философ Дж. Нейсбит среди важнейших тенденций, характеризующих складывающуюся глобальную цивилизацию, выделил наряду с переходом от индустриального общества к информационному, от форсированной технологии к “высокому человеческому элементу” и переход от главенствующей роли национальной экономики к экономике мировой.

В этих условиях в мире резко повысилась потребность в компетентностном управлении, профессиональном государственном менеджменте, ориентированном на прагматические цели экономического взаимодействия и, как следствие, - межкультурного сотрудничества. В результате увеличивается значение **экономической дипломатии**, характеризуемой как своеобразный сплав экономики и политики, доведенный до уровня принятия и реализации управленческих решений, с помощью и при посредстве которых осуществляются сотрудничество и соперничество, определяются формы и методы развития и совершенствования рыночной экономики. Сотрудничество государств в геоэкономическом разрезе не ставит целью ослабление экономики партнера. Наоборот, цель такого сотрудничества - усилить собственную экономику, сделать ее конкурентоспособной.

Важнейшей целью экономической дипломатии является выработка геоэкономической стратегии и тактики государства для повышения его конкурентоспособности на международной арене. Соответственно, в центре внимания геоэкономики как науки оказываются различные ресурсные потоки (природные ресурсы, труд, финансовый капитал), а также деятельность государства по их регулированию и управляемости. Усиление геоэкономического сотрудничества, в том числе для целей антикризисного развития, актуализирует проблему осмысления новой роли государств и регионов как глобальных предпринимателей и требует модернизации механизмов федерального и

территориального регулирования, переноса центра тяжести управленческого воздействия с контрольно-учетных функций органов власти на предпринимательские, адекватные интересам государства и бизнеса для повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке.

1.2. Национальные школы геоэкономики.

Геоэкономика в системе научного знания

Геоэкономика исследует поведение государства в условиях геоэкономической конкуренции, анализирует особенности его стратегии и тактики на глобальном рынке. Роль новой науки видят и в том, что именно она позволяет рассмотреть и в конечном итоге решить проблему сбалансированного и пропорционального развития всего современного комплекса мирохозяйственных связей.

Однако, несмотря на значимость геоэкономики для выбора механизмов и методов политики государства в эпоху глобализации, в понимании ее предмета и границ нет полного единства.

Она, во-первых, рассматривается как одно из ответвлений геополитики, во-вторых, претендует на место, ранее занимаемое геостратегией, причем в той мере, в которой практика межгосударственных конфликтов смещается из сферы военного противоборства в сферу экономического соперничества.

Предмет “геоэкономика” также увязывается с процессами экономической и политической динамики национальных государств в контексте глобальных мироэкономических сдвигов. В этом смысле геоэкономике представляют как экономическую геополитику, исследующую поведение государства, нацеленное на повышение национальной конкурентоспособности, в условиях жесткой конкуренции на международной арене.

Существуют и иные точки зрения, например, противопоставляющие геополитику и геоэкономике. Все названные подходы отражаются в различных концепциях национальных школ геоэкономики.

Основателем геоэкономики как науки, как уже отмечалось, является лидер американской школы *Эдвард Люттвак*. Он противопоставлял геоэкономике, понимаемую как теоретическое обоснование государственной политики, нацеленной, прежде всего, на победу в экономическом соревновании между развитыми государствами, геополитике с ее акцентами на использование военной мощи для достижения внешнеэкономических и внешнеполитических целей. Геоэкономика требует разработать приемы экономической обороны и наступления, направленные на то, чтобы “обеспечить наилучшую возможную занятость для наибольшей части своего населения”, а если понадобится, то и в ущерб населению чужих стран.

В первоначальной формулировке Э. Люттвака миссия геоэкономики определялась так: “Если внутреннее сплочение [нации] должно быть поддержано консолидирующей угрозой, то сегодня таковой обязана стать угроза экономическая”. Основная разница между геоэкономикой и классической

геополитикой должна, по Люттваку, определяться двумя моментами. Во-первых, большим плюрализмом модальностей мировой политики, среди которых перестает откровенно главенствовать военно-силовая модальность. Во-вторых, тем, что прежде государства не только были субъектами мировой борьбы, но и одновременно образовывали само ее поле. Пространства, обретшие субъектность, тягались между собой, стремясь одну географическую позицию ущемить в пользу другой или подчинить ей. Теперь же государствам предстоит бороться на поле мировой экономики, коего они собою не покрывают: его значительную часть образует приватный, в том числе транснациональный, капитал, чья логика может не совпадать с геоэкономическими задачами наций. По мнению Люттваку, на смену геополитическому конфликту приходит конфликт геоэкономический.

Геоэкономика занимается анализом стратегий государств и разработкой инструментов развития национальной конкурентоспособности. Геоэкономика исследует связь между властью и пространством, но пространством “виртуальным”, которое освобождено от территориальных границ и физических характеристик, свойственных геополитике.

Главное отличие геоэкономики от геополитики - это технологическое и коммерческое первенство, но не контроль регионов. Геоэкономика не означает завершение эры геополитики как интерпретации явлений и соперничества власти относительно регионов. Геоэкономический подход показывает современную оценку удельного веса различных факторов в международной политике. Ожидается, что взаимосвязь между экономическими интересами и внешней политикой будет становиться более тесной и важной, “но в то же время менее поддающейся регулированию и более сложной для общественного понимания”. Позднее Э. Люттвак развил тезис о “консолидирующей экономической угрозе”. Он выдвинул ставшие очень популярными понятия “турбокапитализма” движущихся по планете финансовых потоков и “призрака бедности”, появляющегося перед странами из-за своенравия геофинансов.

Среди виднейших представителей американской школы геоэкономики следует также назвать *Эндрю Лейшона* и *Ульяма Нестера*, рассматривающих особенности новой науки в контексте своих научных интересов. Э. Лейшон утверждал, например, что развивающаяся геоэкономическая теория содержит множество различных элементов, из которых три особенно примечательны:

- осмысление новой роли государств в рамках торжества экономического неолиберализма;
- “всеобщая маркетизация” международных отношений, в которой геополитические интересы теряют смысл;
- существование множества “экономических миров”, которые находятся в рамках национальных границ.

У. Нестер также доказывал примат геоэкономики в международных отношениях на основе анализа современной истории. Он ввел ряд терминологических новаций, имеющих большое значение для становления науки. В их числе: геоэкономический конфликт, геоэкономическое сотрудничество, геоэкономическая сила, ее источники, баланс, использование.

Виднейшим представителем французской школы геоэкономики является *Жак Аттали* (род. в 1943), бывший долгие годы личным советником президента Франции Ф. Миттерана и некоторое время директором Европейского банка реконструкции и развития. В книге “Линии горизонта” он рассматривает мировую экономическую реальность в ее отношении к мировому же пространству и приходит к выводу, что для “геоэкономики совершенно неважно, какой народ проживает на той или иной территории, какова его история, культурные традиции и т. д.; заслуживает внимания лишь то, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, информационные центры, крупнейшие производства, т. е. она подходит к миру и его реалиям так, как если бы мировое правительство существовало и единое планетарное государство уже состоялось”. По мнению Ж. Аттали, современный мир господства либеральных ценностей, рыночных отношений и информационных технологий формируется на принципах геоэкономики. При этом вся деловая жизнь вращается вокруг трех деловых ядер - экономических пространств или финансово_промышленных зон: американского, европейского и тихоокеанского, которые концентрически структурируют вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости.

В Италии концепция геоэкономики активно разрабатывалась генералом *Карло Жаном* (род. в 1936), опубликовавшим, в частности, в начале 1991 г. статью “Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика”, несущую отпечаток геополитических конструкторов и военно-стратегического стиля мышления автора. По мнению К. Жана, “геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле - и на всей практикологии конфликтных ситуаций”. В целом в трудах итальянских ученых под геоэкономикой понимается “дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства”. Для этих авторов характерно стремление интегрировать экономические понятия в политическую науку, констатируя, что “экономические цели, преследуемые геоэкономикой, структурно гораздо ближе конечным политическим устремлениям государства (создание богатства, процветание и благополучие граждан являются не только экономическими, но и политическими целями)”, так как, в конечном счете “экономика не только цель, но и средство политики”.

Согласно К. Жану и П. Савона, “геоэкономика - это экономическая политика, идущая на смену - по крайней мере, в промышленно развитых государствах - преимущественно военной геополитике прошлого. Сама геоэкономика, ее законы и механизмы становятся парадигмой административно-правовой организации государства”, “геоэкономический подход объединяет все экономические установки и структуры какой-либо страны в единую стратегию, учитывающую общемировую ситуацию”. Итальянцы одни из первых осознали опасность геоэкономического экспансионизма, особенно высоких геоэкономических технологий, мировых блуждающих воспроизводственных ядер, бешеную перестройку экономических границ, слабость государственных институтов, неспособность их противостоять наднациональным структурам и подняли вопрос

о защите государственности от надвигающейся опасности нерегулируемого поведения транснационализированных международных структур.

В России разработка геоэкономического инструментария исследователями и освоение геоэкономического подхода государственными учреждениями начались непосредственно после распада СССР. Российская школа геоэкономики представлена различными концепциями, охватывающими огромный спектр теоретико-методологических и практических проблем развития науки и страны. При этом всех исследователей объединяет поиск такой модели геоэкономического мироустройства, в основе которой было бы равновесие стратегических интересов, баланс реально сложившихся зон геоэкономического влияния с учетом цивилизационных факторов. Что касается взглядов на место геоэкономики в системе научного знания относительно геополитики в российской школе, можно условно выделить три группы авторов.

К представителям первой группы, рассматривающим геоэкономику как продолжение и альтернативу геополитики, следует прежде всего отнести *Эрнеста Кочетова* – основателя российской школы геоэкономики и *Александра Неклессу* – известного политолога, специализирующегося на геоэкономическом анализе глобальных проблем. В их работах концепция геоэкономики в значительной мере отошла от прочтения предмета в русле идей геополитики и конфликтологии и оказалась под сильным влиянием идей экономической науки и глобалистики.

Э. Кочетов стал автором первого в СНГ учебника по геоэкономике, причем ориентированного на практическую деятельность по разработке национальной стратегии развития. Он следующим образом определяет свое понимание сущности геоэкономики: “Геоэкономика

1) концептуальное воззрение, отражающее интерпретацию глобального мира через систему экономических атрибутов;

2) вынесенная за национальные рамки система экономических атрибутов и экономических отношений, определяющих контур глобального экономического пространства, в котором разворачиваются мировые экономические процессы. Геоэкономика выступает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур;

3) политологическая система взглядов (концепций), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами, оперированием на геоэкономическом атласе мира (в том числе на национальной его части), включением национальных экономик и их хозяйственных субъектов в мировые интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового дохода, используя высокие геоэкономические технологии”.

Для А. Неклессы характерным является определение геоэкономики как “пространственной локализации типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанной с этим феноменом новой формулы мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на этой основе системы стратегических (глобальных)

взаимодействий”. По его мнению, современное мировое разделение труда создает четкое членение мира на экономические макроструктуры - в зависимости от “модернизованности” экономики и места в глобальном сообществе.

Вторая группа исследователей рассматривает геоэкономику как составную часть современной геополитики. Например, *В. Рогов* утверждает, что “Геоэкономика есть экономический язык геополитики. Геоэкономика как концепция позволяет генерировать экономические картины мира и образы национальных хозяйств. Разнообразие геополитических картин мира является, в том числе по субъективным причинам, исходной предпосылкой для появления различных экономических картин мира как среды, в которой взаимодействуют государства. Это правомерно, поскольку понятие среды неотделимо от субъекта, в нашем случае государства как географического организма”.

Аналогичных взглядов придерживается *В. Цымбурский*, характеризующий геоэкономику как отрасль геополитики, достаточно автономную, но тем не менее находящуюся в естественном взаимодействии с другими геополитическими отраслями”.

К сторонникам третьей группы относятся исследователи, доказывающие, что геополитика и геоэкономика связаны между собой, но не являются простым продолжением друг друга. Так, *А. Д. Богатуров* утверждает, что “современная реальность исключает уместность использования геополитического подхода в отрыве от геоэкономического - в той мере, как экономические тяготения приобрели за последний век способность реально влиять на внешнюю политику государств и международные отношения, не проступая явно на уровне формальных государственно признанных и легко обозреваемых изменений-последствий. Магистральной линией методологии анализа, скорее всего, станет определенный синтез обоих геоподходов”.

Проблемы геоэкономики начинают рассматриваться исследователями других постсоветских государств. Например, на Украине она рассматривается преимущественно как современная геополитика, реализуемая новыми средствами и формирующаяся под воздействием факторов глобализации и регионализации. Так, *В. Дергачев*, определяет геоэкономику как “новую систему экономической организации мирового хозяйства”, “науку о государственной стратегии достижения мирового или регионального могущества преимущественно экономическим путем”.

Изучение теоретико-методологических подходов к анализу предмета и содержания геоэкономики показывает, что ее место в системе научного знания еще не определено. Несмотря на отсутствие однозначного прочтения и толкования своего содержания, геоэкономика в современный период становится важнейшим инструментом государственной политики. В условиях глобализации именно геоэкономический подход позволяет реализовать предпринимательскую функцию государства, нацеливая органы власти и управления на создание благоприятной для конкуренции институциональной среды, гарантирующей безопасность бизнеса, минимизирующей политические и социальные риски и др.

1.3. Методы теоретической и прикладной геоэкономики

В силу сложившихся обстоятельств геоэкономический подход еще не получил должного развития в науке. Особенности его практического использования при анализе тех или иных проблем недостаточно описаны и систематизированы. Тем не менее, развитие теоретической и прикладной геоэкономики позволяют сформулировать и раскрыть основные требования к методам геоэкономического анализа поведения акторов мирохозяйственных связей.

Теоретическим обоснованием геоэкономического подхода могут служить общие предпосылки, содержащиеся в теории действия американского социолога Т. Парсонса, рассматривающего структуру общества как иерархическую модель взаимодействия людей, их групп и государства. Этот подход позволяет сочетать в анализе как отдельные элементы: основные функциональные подсистемы общества (экономики, политики, социального сообщества и культуры), так и общество как целое.

Особое значение имеет взаимообмен между функциональными подсистемами. Например, взаимодействие политики с экономической подсистемой общества создает **систему мобилизации ресурсов**. В процессе своего длительного функционирования и сопряженной с этим внутренней дифференциацией она накапливает значительные ресурсы власти и собственности, необходимые для стабилизации. При этом строго выдерживается ясное разграничение функций: обеспечение эффективного управления имеющимися ресурсами есть сфера экономики и технологии; что же касается организации и мобилизации ресурсов для достижения целей сообщества и повышения его адаптивных возможностей - это сфера политики. Развивая параллель экономики и политики, Т. Парсонс сравнивает процесс приращения власти с экономическим процессом капиталовложений.

Другим не менее важным аспектом теории Т. Парсонса является географическая, пространственная составляющая взаимодействия политики и экономики, проявляющаяся в структурах, способах и механизмах эффективной мобилизации и размещения услуг и материальных ресурсов.

Важнейшим требованием геоэкономического подхода является также признание многовариантности и плюралистичности мирового развития - вплоть до диаметрально противоположной направленности. Научному сознанию в современных условиях противопоставлено линейное видение общественного развития. Это обусловлено, с одной стороны, универсальными возможностями современных технологий, и с другой – повышением уровня неопределенности и риска.

Многовариантность мирохозяйственного развития связана также и с особенностями индивидуального видения изучаемого объекта. Поэтому использование геоэкономического подхода не ставит задачи формирования единой внутренне непротиворечивой теории, синтеза, интеграции различных

направлений, школ, концепций, хотя и предполагает их изучение в соответствующем ракурсе.

Геоэкономический подход ограничивается взаимным обогащением каждого из течений, не подвергая их принципиальному пересмотру. Можно сказать, что он основан на принципе методологического плюрализма.

Выделенные принципы позволяют сформулировать положения, составляющие содержание геоэкономического подхода к анализу мирохозяйственных процессов. Во-первых, он состоит в том, что каждую из национальных экономик следует рассматривать с позиции целого (мирового хозяйства), как часть целого, существующую наряду и во взаимосвязи с другими частями. Это означает, что анализ экономического развития отдельной страны вне анализа структуры глобальной системы, интересов и деятельности ее субъектов будет неполным и недостоверным. Во-вторых, геоэкономический подход признает не только взаимосвязь различных аспектов, их взаимовлияние, но и возможность изменения содержания изучаемого объекта. Иначе говоря, готовых рецептов в геоэкономике не существует, каждая конкретная ситуация требует своего решения, что не исключает использования базовой модели, которая позволяет объяснять и прогнозировать общий вектор изменений.

Результативность геоэкономики как политики является условием выживания государства и заключается в том числе в умении страны адаптироваться к складывающейся ситуации на мировом рынке. Поэтому прикладная геоэкономика использует не только традиционные методы экономической политики, но и специальные методы, объединяемые в две основные группы.

Первую группу Карло Жан и Паоло Савона образно обозначают термином **“кольберизм высоких технологий”**. Она ориентирована на рост внутренней конкурентоспособности страны как с помощью мер структурного характера (институциональные механизмы и геоэкономическая разведка, развитие инфраструктуры, налоговая и инновационная политика), так и с помощью инвестиций в человеческий фактор, чтобы гарантировать собственному населению занятость с наибольшей добавленной стоимостью. Это и необходимое условие гарантии благосостояния, которое уже нельзя обеспечить защитными мерами на границе.

Методы “кольберизма высоких технологий” тесно связаны с методами геоэкономического соперничества. Их задача - способствовать появлению национальных лидеров и интернационализации собственных предприятий. Методы геоэкономического соперничества определяются стратегией, имеющей два основных вида, - оборонительную и наступательную.

Оборонительную стратегию, осуществляемую методами традиционного “воспитательного протекционизма”, достаточно подробно описал в своих работах Ф. Лист. Современный протекционизм, применяемый прежде всего развитыми государствами, носит название “эффективного протекционизма” и осуществляется в рамках *наступательной стратегии*. Это выражается в поддержке нарождающихся национальных промышленных отраслей, становление

которых и их адаптация в условиях высокоразвитых международных экономических структур требует определенного времени.

Для проведения политики эффективного протекционизма, защищающей от геоэкономической конкуренции со стороны иностранных предприятий, необходимо выполнение трех условий:

- 1) наличие конкуренции на внутреннем рынке, что способствует его насыщению товарами и стимулирует экспорт на иностранные рынки;
- 2) наличие в стране потенциала для развития национальных отраслей и осуществления модернизации;
- 3) ограничение во времени.

Следует учитывать и то, что в геоэкономике центрами становятся не обязательно столицы обширных по территории государств, а финансовые и торговые узлы. Ценность территории определяется не ее природными богатствами, а способностью связывать и направлять мировые потоки. Управлять - значит присваивать инфраструктуры, по которым "прокачиваются" мировые ресурсы и институты, а также технологии, на основании которых комбинируются данные ресурсы. Такой подход меняет характер территориальной конкуренции. Она становится *сетевой*, а потому зачастую направлена не столько на выдавливание конкурента с рынка, сколько на включение в сеть, обеспечивающую совокупную конкурентоспособность всех ее самостоятельных (и продолжающих, может быть, конкурировать между собой) участников. Результатом развития такой конкуренции является возникновение особых объединений - кластеров.

Согласно М. Портеру (основателю теории кластерного развития), **кластер** - группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. Таким образом, в структуру кластера включены, с одной стороны, владельцы ресурсов и технологий, необходимых для производства ключевых товаров кластера, с другой - потребители этих товаров (как в виде конечного, так и промежуточного продукта).

Ценность кластера заключается не столько в комплексности, сколько, во-первых, в наличии внутренней конкурентной среды (кластер не является вертикально-интегрированной компанией), а во-вторых, в существенном присутствии кластера в глобальной экономике, в наличии у него сильных конкурентных позиций на глобальном рынке.

В современных условиях особое значение для развития страны и ее отдельных регионов приобретают приграничные кластеры. Их основой является программный подход, реализуемый через международные региональные программы экономического развития территорий. Для эффективного управления кластерными образованиями могут создаваться специализированные организации (**логистические, субконтракторные, аутсорсинговые, ауттаскинговые** и др.), которые на высоком уровне мирового менеджмента осуществляют руководство совместной межрегиональной приграничной бизнес-деятельностью. В рамках

такого международного кластера национальный бизнес получает доступ к современным управленческим системам, прогрессивным технике и технологиям, перспективным мировым рынкам товаров и услуг, знаниям и квалифицированной рабочей силе. Соответственно, содействие появлению локальных или трансграничных кластеров для государства становится инструментом политики эффективного протекционизма.

Методы “кольберизма высоких технологий” направлены на получение конкурентных преимуществ всей страной. При этом, как утверждают К. Жан и П. Савона, необходимо учитывать интересы и технологии всех геоэкономических субъектов, включая неконтролируемые или почти не поддающиеся влиянию, в частности транснациональных сил (таких, как мультинациональные предприятия, финансы, организованная преступность и т. д.). Государства обязаны принимать во внимание их логику и внутренние механизмы не только как представляющие угрозу для любого принятого решения, но и открывающие немало выгодных возможностей, которые должны быть умело обращены в свою пользу. В этом плане “кольберизм высоких технологий” концептуально напоминает военное понятие “подготовка нации к войне”, которое предполагает мобилизацию сил и ресурсов всеми способами, включая прямые и косвенные.

Вторая группа методов геоэкономической политики – это методы *экономической войны* в узком смысле, например, с помощью нетарифных барьеров (формально, но не фактически законной поддержки собственного экспорта); контроля технологии (формальных ассигнований на развитие, а в действительности - на экспансию и защиту собственной экономики ради извлечения выгоды для собственных предприятий и т. д.). В отличие от экономических войн в широком смысле слова, которые используют экономику как оружие для достижения цели (например, лишая противника обороноспособности, нанося серьезный ущерб производственной базе, вызывая нехватку продовольствия, эпидемии, восстания, смену правительства, разделение страны и т. д.), экономические войны в узком смысле слова исходят из принципа ненулевой прибыли. Часть экономических войн, которая преследует только экономические цели, получила название **геоэкономической войны**. Это более изощренные и более опасные приемы: без воздействия военного фактора происходят разрушение национальных экономических структур, перекачка в мировой доход национального дохода, структурная деформация и как следствие этого – социальная деформация.

Главным направлением геоэкономических войн является не ослабление экономики противника, а усиление собственной экономики и максимальное повышение ее конкурентоспособности.

Соответственно, основная цель геоэкономического агрессора - выработка и укрепление в международном масштабе односторонне выгодных правил, а также их навязывание ближайшим конкурентам. Однако в ходе таких войн необходимо сохранять основные характеристики международной экономической среды, ее единство и взаимозависимость - т. е. не разрушить основы мировой экономики.

Большое значение во время экономических войн имеет оптимальное соотношение прямых и скрытых методов противостояния. Они являются продолжением друг друга, а их применение предусматривает контроль со стороны государства.

Среди методов геоэкономической войны используются: большая доля национального капитала в иностранных инвестициях, своей продукции в импорте конкурентов, привязка курса национальных валют к валютам влияющего государства, контроль за значительной суммой внешнего долга и т. д. Подчеркнем, что неэквивалентный внешнеэкономический обмен характеризуется втягиванием периферийных стран в “ловушки” сырьевой специализации и внешней задолженности. При этом, оказываясь во второй “ловушке”, периферийные страны лишаются суверенитета в проведении торговой и финансовой политики, следовательно, возможностей управлять собственным развитием.

Геоэкономические войны выросли из двух исторических составляющих: *торговых войн* и так называемых холодных войн. Однако и торговые, и холодные войны имеют некоторые отличия.

Торговое эмбарго, прообразом которого является “континентальная блокада”, введенная Наполеоном против Великобритании, активно используют как внешнеполитический инструмент США (против Кубы в 1962 г., против режима талибов в Афганистане в 1999 г., против Бирмы в 2003 г.). Такие торговые войны по политическим мотивам обычно декларативны и являются не только способом прямого давления, но и утверждения международного авторитета страны, ее активной роли в мировом политическом процессе, поэтому мотивированные решения о санкциях принимаются президентами и парламентами. Они ориентиры внешнеполитической идеологии государства, пусть даже их экономический эффект невелик.

В других случаях торговые войны носят экономический, протекционистский или экспансионистский характер. В современной экономике торговые войны по экономическим причинам часто связаны с антидемпинговыми и другими ограничительными мерами, сдерживающими экспорт товаров иностранных государств.

Одним из наиболее активных участников таких войн являются США. По данным вице-президента Национального института энергетической безопасности Е. Л. Логинова, за период с 1918 по 1998 г. это государство применило экономические санкции в отношении 73 стран 115 раз. В последние годы участились и обвинения в адрес России, которая “используя торговые санкции в борьбе за свое политическое влияние на постсоветском пространстве, вписывает новую главу в мировую историю торговых войн. Войны эти ведутся по политическим соображениям, но облакаются в форму войн экономических”. Такой характер, например, носили запреты поставок в РФ грузинского и молдавского вина, грузинской минеральной воды.

Геоэкономические войны существенно отличаются от холодных войн, где ядром является милитаризация экономики на основе искусственных нагнетания

военных угроз, морального старения вооружения, формирования глобальных масштабных “инициатив” (типа СОИ в США).

Геоэкономические войны называют войнами нового поколения. К их числу относят:

- информационные войны, имеющие пропагандистскую и психологическую составляющие, предназначенные для формирования и закрепления массовых представлений, необходимых субъекту военных действий;
- коммуникационно-хакерские войны, сценами которых являются не только воровство денег с электронных банковских счетов, но и запуск компьютерных вирусов в интернет-систему, проникновение в специализированные электронные системы обеспечения работы военных и разведывательных ведомств, а также промышленных объектов особой опасности;
- финансовые войны - засылка на “вражескую” территорию крупных партий фальшивых денег; целенаправленная финансовая атака на денежные рынки и др.;
- сетевые войны - установление и поддержание контроля за счет разнообразных сетей, построенных по определенному алгоритму. Примерами сетевых войн являются “цветные революции” в Сербии, Грузии, на Украине и т.д., где разнородные информационные стратегии и неправительственные организации и фонды смогли привести к желаемому прежде всего для США политическому результату без прямого военного вмешательства. Правила ведения сетевой войны в условиях “горячего” конфликта отрабатываются в Ираке, Афганистане, Ливии.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях глобализации возможность вести в рамках конкурентной борьбы геоэкономическую войну или противостоять иностранной геоэкономической войне становится важным условием экономической состоятельности государства, определяя его место в мировой экономической и политической иерархии. Соответственно, вопросы, связанные с геоэкономическими войнами, становятся важнейшими для национальной безопасности.

Решение геоэкономических проблем требует принятия соответствующих мер государственной политики: “...геоэкономика, ее законы и механизмы становятся парадигмой административно-правовой организации государства. Это не просто экономическая наука, но дисциплина, составной частью которой является “социально-правовая инженерия. И как таковая она оказывает глубокое воздействие на политическую науку и дебаты вокруг государственных учреждений и правовых органов”. В этом плане уместно вспомнить опыт США, где своевременно учли геоэкономические реалии нашего мира. Здесь взят на вооружение **геоэкономический экспансионизм** - политическая доктрина, использующая геоэкономические идеи и терминологию для оправдания внешнеэкономической экспансии, направленной на захват доли национального дохода других стран, эксплуатацию сырьевых, финансовых, интеллектуальных и других ресурсов государств без допуска их к формированию и использованию мирового дохода. Неслучайно, многие исследователи и политики отмечают, что, исходя исключительно из своих национальных интересов, Вашингтон будет, скорее всего, делать ставку на якобы постоянно возрастающую собственную

способность руководить геоэкономическими конфликтами. Пока что США имеют довольно ограниченный опыт реализации двух геоэкономических стратегий: торговые и экономические атаки (в том числе финансовые) по зависимым от доллара экономикам и поддержание военно-политических кризисов в геоэкономически важных районах. Глобализация обеспечила условия для ведения более масштабных экономических войн.

Однако закономерным результатом глобализации стало и значительное ослабление американской экономики. Экспортированный из США кризис 2007–2008 гг. приобрел глобальный масштаб и привел к падению доверия к доллару и к США в целом. Доминированию США в современных условиях противостоят объединенная Европа, продолжающийся рост Китая и формирование зоны юаня, попытки консолидации (в частности, введение золотого динара) исламских стран. Для стран, которые проигрывают в геоэкономических конфликтах, развитие теоретической и прикладной геоэкономики, позволяющей действовать с наибольшей эффективностью в условиях глобализованного мира, приобретает особую значимость.

1.4. Проблемы развития геоэкономики

Как показывает анализ развития современной экономики, геоэкономические вопросы заслуживают самого пристального внимания со стороны политического истеблишмента. Без грамотного учета геоэкономического фактора в своей внутренней и внешней политике экономически слабая страна вряд ли сумеет подняться с колен. Национальной экономике необходимо не обороняться, а наступать, а для этого нужны продуманная, долгосрочная и комплексная геоэкономическая стратегия и государственный аппарат, способный эту стратегию реализовать.

Таким образом, на основе геоэкономического подхода к ситуации на мировом рынке можно выделить три основные группы проблем развития геоэкономики как научной дисциплины и инструмента для достижения политической цели:

- 1) создание теоретико_методологических основ формирования геоэкономической стратегии государства;
- 2) создание практикоориентированного комплекса методов решения геоэкономических проблем (тактический инструментарий);
- 3) формирование геоэкономического мышления (подготовка и переподготовка специалистов, работающих в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности).

Рассмотрим содержание данных проблем.

Каждое государство заботится о своем будущем, выстраивая стратегическую перспективу, формируя собственную доктрину и стратегию развития. Это ставит перед государством несколько геоэкономических задач, включая:

- “встраивание” в мировую хозяйственную систему, исходя не только из текущих интересов, но и с учетом будущих, поскольку эта система динамично развивается:

- целенаправленное создание благоприятных геоэкономических ситуаций с использованием широкого арсенала приемов и средств стратегического маневрирования;
- формирование умений управлять формой интеграционных союзов, их гибким переливом из одного состояния в другое, создавать новые альянсы, использовать разные формы международного хозяйственного общения;
- обучение технологии ведения конкурентной борьбы, ее стратегическим приемам и методам.

Однако подобные задачи пока не имеют соответствующей теоретической базы: до сих пор не сформулированы основы, позволяющие создать “работающую” концепцию экономического сотрудничества единого неконфронтационного мира. Между тем глобальная схема экономического взаимодействия позволила бы общими усилиями разработать национальные, региональные и общемировые механизмы оптимального баланса интересов всех субъектов мирового хозяйства. С этой точки зрения огромный интерес для исследователей и политиков представляет развитие геоэкономики как концепции внешнеэкономической стратегии и формирования внешнеэкономических доктрин.

Условие выработки приемлемой стратегии заключается в таком выявлении закономерностей трансформации национальной экономики, которые оказывают влияние на формирование целостной системы экономического взаимодействия с мировой хозяйственной системой, на ее характер. В рамках такого подхода внешнеэкономическая стратегия государства должна включать три взаимообусловленные и взаимозависимые части:

- национальную экономику, доктрину как стратегический арсенал реализации национальной доктрины и мировую хозяйственную систему.

Исходя из потребностей формирования и реализации внешнеэкономической стратегии государства, геоэкономика как научная дисциплина должна включать:

1. Концептуальные воззрения, отражающие интерпретацию глобального мира через систему экономических атрибутов.

2. Вынесенную за национальные рамки систему экономических атрибутов и экономических отношений, определяющих контур глобального экономического пространства, в котором разворачиваются мировые экономические процессы. Геоэкономика выступает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур.

3. Политологическую систему взглядов (концепцию), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами и включением национальных экономик и их хозяйствующих субъектов в мировые воспроизводственные циклы с целью участия в формировании и распределении мирового дохода на базе высоких геоэкономических технологий. Соответственно, в центре внимания геоэкономики должны быть не только стратегические, но и тактические механизмы и инструменты политики государства. Среди основных тактических приемов геоэкономики выделяют расширение пространства решений за пределы известного опыта: выигрывает тот, кто первым сконструирует новое

экономическое пространство и сумеет построить для него систему деятельностей. В этом плане недостаток ресурсов рассматривается геоэкономикой как ресурс развития. При этом большинство геоэкономических планов строится на эффекте преадаптации, когда создаются формы деятельности для политической, экономической или культурной реалии, которой в сегодняшнем мире нет, но которая завтра неминуемо возникнет. Так, в 1970-е гг. США начали рассматривать финансово-юридическое поле как площадку преадаптации, а правовое регулирование - как форму управления новой глобализованной экономикой. Это привело впоследствии к “сбросу” промышленности в развивающиеся страны и построению в США постиндустриальной штабной экономики, продуктом которой являются международные правила игры.

Для выработки тактического инструментария особое значение приобретают вопросы управления “вписыванием” национального хозяйства в мировую экономику. Как считает Э. Кочетов, прежде всего это связано с серьезными преобразованиями в организационно-управленческой форме внешнеэкономических связей. Ее основой может стать система ориентиров для включения национальной экономики в мирохозяйственную сферу, которая включает три группы ориентиров: общетеоретические, методологические и организационно-экономические.

Встав на путь преобразований, следует исходить из того, что открытость закономерностям экономического развития мирового товарного хозяйства не должна исключать учета сложившихся отраслевых, территориально-производственных и других пропорций развития национальной экономики. Выравнивание пропорций развития и обеспечение последовательности (поступательности) и сбалансированности экономики – главная задача переходного периода в процессе адаптации экономики к мировому экономическому развитию и в целях успешной реализации стратегии внешнеэкономического развития. Такая подготовительная работа особенно важна в приоритетных областях, где предстоит осуществить экономический рывок, выход на качественно новый уровень развития (в электронно-вычислительной технике, биотехнологии, в области разработки новейших материалов, новых источников энергии и т. д.). При этом важно учитывать, что, хотя интернационализация в силу своей природы вызывает ломку сложившихся экономических структур, нельзя сказать, что этот процесс идет стихийно и не подвержен целенаправленному управлению. Управление процессами интернационализации состоит в правильном выборе:

- 1) приоритетного научно-технического слоя интернационализации;
- 2) степени и темпов ее воздействия;
- 3) структуры управления и соответствующих организационно-экономических форм, выступающих неотъемлемыми атрибутами интернационализации.

Анализ ориентиров включения национальной экономики в мирохозяйственную сферу имеет огромное значение для определения страной реальной и потенциальной роли в мировом хозяйстве, адекватной своему

экономическому, научному, человеческому потенциалам. Очевидно, что во внешнеэкономической сфере можно занять только строго определенную нишу, которой соответствуют свои товарные и организационно-хозяйственные формы. Однако, как показывает опыт нашей страны, существует противоречие между возможностями экономической дипломатии и их использованием. Примером малопродуманной, спонтанной внешней экономической стратегии стала попытка руководства России реализовать в 90-е гг. XX в. доктрину “немедленной переориентации российской экономики на западные рынки”, результатом которой стали разрыв и свертывание торгово-экономических связей с постсоветскими странами, потеря многих традиционных рынков сбыта.

Огромной проблемой для российской внешнеэкономической политики является также противоречие между краткосрочными потребностями и долгосрочными интересами страны. Так, в структуре экспорта страны все большую часть занимает продовольствие. На его закупку тратится более 8 млрд долл., тогда как в развитие собственного сельского хозяйства вкладывается менее 1 млрд долл. Или пример другого рода. Продажа российской компании “Пермские моторы” американскому “Боингу” привела к остановке производства, и Россия лишилась завода, который производил моторы не только для авиации, но и для подводных лодок. Заслуживает внимание и то, что ежегодно доход компании составляет 1,5 млрд долл. При этом стартовая цена продажи была определена в 1,2–1,5 млрд долл., т. е. срок окупаемости должен был составить год. Таким образом, решая краткосрочные проблемы, государство упускает возможности определения долгосрочной перспективы развития не только отдельных предприятий, но российской экономики в целом. Это отличается от геоэкономических факторов внешнеэкономической стратегии развитых стран, в которых основное внимание уделяется средне- и долгосрочному анализу тенденций развития мировой экономики и повышению конкурентоспособности компаний и национальных экономик на основе формирования производственно-инвестиционных комплексов и цепочек развития новых форм интеграции. Названные просчеты в формировании и реализации внешнеэкономической стратегии России позволяют утверждать, что существующая система государственного управления не обеспечивает реализации геоэкономических интересов страны. Поэтому требуется кардинальное реформирование государственной службы, создание национальной системы проблемно-ориентированной профессиональной переподготовки и повышения квалификации ее кадрового потенциала. При этом важнейшей составляющей обучения должно стать углубленное изучение геоэкономической модели развития России, тем более что подобное обучение гражданских и военных должностных лиц уже осуществляется во многих странах. Показательна в этом отношении деятельность Центра по изучению европейской и международной безопасности имени Маршалла (г. Гармиш-Партенкирхен, Германия). В центре обучения находится проблема создания единой научной базы и государственного механизма комплексного использования силовых и ненасильственных мер для предотвращения войн, вооруженных конфликтов и разрешения конфликтных

ситуаций. Она ставится перед обучаемыми в виде целой совокупности тесно взаимосвязанных, обуславливающих друг друга проблем (проблемы совершенствования и дальнейшего развития теории конфликтов, включая военные, с целью их адекватного восприятия и реагирования на них; проблемы создания все более совершенных сил и средств, способных решать свойственные им задачи реалистического сдерживания противника; проблемы совершенствования и развития подготовки кадров миростроителей, а также предотвращения войн, вооруженных конфликтов и разрешения конфликтных ситуаций). Ее изучением и разработкой сегодня занимаются в различных предметных областях знаний, научных и учебных дисциплинах десятки ведущих научных и учебных центров развитых стран мира: США, Великобритании, Германии, Франции, Китая, Японии и др., включая Россию. Наибольшее развитие эта деятельность по разработке и изучению рассматриваемой проблематики получила за последние годы в сфере деятельности по обеспечению национальной и международной безопасности. Специфика большинства рассматриваемых при этом проблем заключается в том, что они могут эффективно решаться лишь на государственном уровне, так как требуют для своего разрешения комплексного использования по единому замыслу и плану организаций различных министерств.

Естественно, что подготовка необходимых для решения геоэкономических проблем страны руководящих кадров должна осуществляться в ведущих высших учебных центрах каждой из стран, а их выпускники в своей дальнейшей служебной деятельности должны руководствоваться не узковедомственными, а национальными интересами (в первую очередь той их частью, которые являются жизненно важными для личности, общества и государства) и обладать необходимым умением и качествами для их практической реализации в своей многообразной деятельности.

Тема 2. Теоретические и прикладные проблемы развития геоэкономического пространства.

Программная аннотация

- 2.1. Развитие идей пространства в экономической науке
- 2.2. Основные характеристики геоэкономического пространства
- 2.3. Мировой доход и геоэкономическая рента

2.1. Развитие идей пространства в экономической науке

Осознание роли пространства в экономической жизни произошло еще в XIX столетии в трудах немецкой школы. Более чем за 100-летний период ее развития был достигнут принципиальный сдвиг, связанный с разработкой концепции экономического пространства, лежащей в основе исследований по “пространственной экономике”. *Иоганн Генрих фон Тюнен* (1783–1850) не был

первым исследователем, который начал анализировать пространство как экономическое явление, но он был первым, кто использовал для исследования этого явления пространственные методы анализа. В отличие от авторов XVIII в., которые только слегка коснулись вопросов расстояния и площади, И. Тюнен постулировал абстрактную географическую модель, в основе которой лежали такие характеристики, как удаленность от центра и площадь. Пиком его достижений в этой области стала работа “Изолированное государство” (1826), в которой он описал концепцию изолированной области в виде круга с землей одинакового плодородия, где нет никаких препятствий для транспорта или специальных видов транспорта, связывающего эту область с городом, находящимся в центре ее, ставшей, по сути, характеристикой идеального экономического пространства. Однако работы И. Тюнена не были восприняты в экономической науке. Гораздо большее влияние на развитие пространственной экономики оказала концепция самодостаточной территории Ф. Листа, получившая название *автаркии больших пространств*.

Ф. Лист совершенно справедливо считал, что для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать определенными условиями. В работе “Национальная система политической экономии” (1841) он написал: “... значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория - вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального благосостояния и политического могущества”. Только в таком случае можно добиться даже начальной степени экономической суверенности. Для стран, имеющих территориальные недостатки, по мнению Ф.Листа, существует несколько способов улучшения положения: наследование новых земель, покупка, завоевания и объединение посредством таможенного союза. Именно такой таможенный союз Ф. Лист предложил для Австрии, Германии и Пруссии, в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены. Но по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать гибкая и крайне продуманная система пошлин, не допускающая зависимости “союза” от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии. Вопрос экспорта был предельно либерализован и полностью соответствовал принципам “свободы торговли”, импорт же, напротив, подчинялся стратегическим интересам стран “таможенного союза” (второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно, а пошлины на все, что могло привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались).

Дальнейшее развитие геоэкономические аспекты теории экономического пространства получили в работах английского экономиста *Джона Мейнарда Кейнса* (1883–1946), причем особое значение имела его статья “Национальная самообеспеченность (1933). Кейнс долгое время принадлежал к числу сторонников свободной торговли, полагавших, что противная точка зрения (т. е. протекционизм) может быть основана лишь на непонимании собственных интересов. Однако развитие событий в мире после Первой мировой войны заставило его изменить взгляды. Поэтому приоритеты созданной Кейнсом теории экономической инсуляции определяются не “невидимой рукой”, а стратегическими интересами государства с ориентацией на автаркию и суверенитет. Соответственно, мировое хозяйство должно состоять не из единого рынка, а системы островов (по-латыни “insula”), обладающих относительной хозяйственной самостоятельностью.

Как и многие сторонники автаркии, Кейнс стал видеть в изоляции страны известную защиту от мировых экономических кризисов. Разделяя опасения, что национальной экономике может быть нанесен ущерб враждебной торговой политикой иностранных государств, Кейнс трактовал проблему самодостаточности шире, чем это было в то время принято. В частности, большое значение он придает экономическим потрясениям, вызываемым международным движением капитала и финансами. “Внутреннюю экономическую политику ... часто было бы легче проводить, если бы удалось взять под контроль феномен, известный как “бегство капиталов”. И далее: “Я симпатизирую... скорее, тем, кто будет минимизировать, чем максимизировать, экономические связи между странами. Идеи, знания, искусство, гостеприимство и путешествия - эти вещи являются международными по своей природе. Но пусть производство товаров останется внутренним делом страны, если только это возможно с точки зрения разума и удобства, и пусть прежде всего финансы останутся по преимуществу национальными”. Для Кейнса проблема автаркии имела принципиальный характер. В осуществлении изоляционистской политики он видел залог выживания национального государства. “Мы нуждаемся в том, чтобы быть настолько свободными, насколько это возможно, от всех экономических изменений где-либо, чтобы осуществить избранный нами самими эксперимент... И... движение по пути к большей национальной самообеспеченности и экономической изоляции сделает нашу задачу проще”. Оценивая последствия мирового экономического кризиса он, в частности, писал: “Я склонен считать, что национальная независимость в вопросах экономики и национальная изоляция должны быть еще большими, нежели до 1914 года”.

Созданные Ф. Листом и Дж. М. Кейнсом теории были отражением принципов **экономического национализма**.

Развитие идей автаркии больших пространств в межвоенный период было продолжено в концепции мирсистемного анализа. Ее основателем стал французский историк *Фернан Бродель* (1902–1985). Большая часть его работ посвящена включению людей и экономики в пространство, при этом в них постоянно подчеркивается неразрывная связь экономики с пространством и

временем. Главная работа Ф. Броделя “Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках” (1967–1979) посвящена изучению “мир_экономики”. Подчеркнем, что этот термин вводится для передачи одного из значений немецкого *Weltwirtschaft*, которое Бродель встретил в работе немецкого историка Фрица Рерига. Мир-экономика представляет собой “экономически самостоятельный кусок планеты, способный быть в основном самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство”.

Мир-экономики, по Броделю, существует сверх политических, культурных и религиозных границ, характеризуясь тремя признаками:

- 1) они занимают определенное географическое пространство, границы которого могут колебаться;

- 2) в них всегда присутствует некий полюс, центр тяготения или экономическая столица;

- 3) вокруг этого центра образуются концентрические зоны: вокруг центра (или ядра) располагаются области “срединной зоны” полупериферийного типа, далее ближняя и дальняя периферия и, наконец, внешнее пространство. Классическими примерами устойчивых мир-экономик является Средиземноморье, Индия, Россия, Китай. Мир-экономика отличается от мировой экономики, охватывающей весь земной шар и характеризуемой как “вселенский рынок”.

Активным последователем Ф. Броделя является американский исследователь *Иммануил Валлерстайн* (р. 1930) - профессор, многолетний директор Центра Фернана Броделя по изучению экономики, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк в Бинхемтоне. Развивая концепцию Ф. Броделя, И. Валлерстайн предлагает использовать более широкое понятие *миросистемы*, при этом мир-экономика является лишь одним ее вариантом. Мир-система - это “общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой мир-системы - с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и как мир-экономику”.

Анализируя мир-экономику, И. Валлерстайн выделяет следующие ее отличительные черты:

- 1) непрерывное накопление капитала в качестве движущей силы капиталистической мир-экономики (КМЭ);

- 2) осевое разделение труда, создающее напряжение между центром и периферией системы, ибо неравный обмен внутри КМЭ принимает пространственные формы;

- 3) существование в структуре КМЭ полупериферийных зон;

- 4) значительная роль наряду с наемным различными форм неажденного труда;

- 5) соответствие границ КМЭ границам межгосударственной системы суверенных государств;

6) происхождение КМЭ не в XIX в., а значительно ранее - в “долгом XVI столетии”;

7) возникновение КМЭ первоначально в одной части мира (северо-западной Европе) и позднее ее распространение на весь остальной мир через особый процесс “инкорпорации”;

8) обязательное существование в структуре КМЭ государств-гегемонов, чей период полного и неоспоримого господства является, однако, относительно кратким;

9) вторичный характер государств, этнических групп и семейных единиц, которые постоянно создаются и пересоздаются;

10) фундаментальное значение расизма и сексизма в качестве организующих принципов функционирования системы КМЭ;

11) возникновение антисистемных движений, одновременно подрывающих и усиливающих КМЭ;

12) структурная модель циклических ритмов и вековых трендов, которые воплощают внутренние противоречия системы (и которые являются причиной системного кризиса КМЭ, переживаемого нами ныне).

Согласно концепции мировых систем И. Валлерстайна в капиталистической мир-экономике глобальная единица разделения труда характеризуется тремя вариантами развития: *центром*, *полупериферией* и *периферией*. Развитые страны входят в центр, выполняющий функции ядра экономического пространства, границы которого определяются процессами производства и могут не совпадать с политическими границами. Ядро эксплуатирует периферию (развивающиеся страны), поскольку значительная часть созданного в результате производства общего прибавочного продукта перераспределяется в пользу ядра. Ядро отличается от периферии более высоким уровнем заработной платы, диверсифицированной структурой экономики, применением прогрессивных технологий. Полупериферия рассматривается как промежуточное звено между ядром и периферией, сочетает черты того и другой, эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию, и за счет полупериферии, как правило, происходит реорганизация пространства в периоды экономических кризисов.

Следует подчеркнуть, что основания дифференциации “центр - полупериферия - периферия” находятся прежде всего в экономической сфере, которая рассматривается как динамичная и эволюционирующая (ее эволюция описывается прежде всего так называемыми длинными волнами). Поэтому критики теории Броделя_Валлерстайна отмечают, что критерии разделения на “центр”, “полупериферию” и “периферию” представляются несколько размытыми. Тем не менее, дальнейшее развитие мир-системного подхода может привести и уже отчасти приводит к формированию более сложной картины пространственных взаимодействий политических систем, учитывающей цивилизационные, ресурсные и иные их различия.

Особое значение в теории Валлерстайна имеет положение, согласно которому состоящий из наиболее развитых стран Запада центр практически не

может расширяться за счет присоединения к нему новых государств и регионов. Этот закон обосновывался природой капитализма и своеобразием накопления капитала на периферии. В статье “Глобализация или век перехода? Один долгосрочный взгляд на траекторию мир-системы” (1999) И. Валлерстайн выделяет три тренда долговременных факторов, которые создают пределы существованию структур, возникших в связи и вокруг капитала как центрального двигательного механизма экономики.

Первый из них связан с накоплением капитала за счет низкой заработной платы работникам - выходцам из сельской местности. Однако в первой четверти XXI в. следует ожидать, согласно выкладкам аналитиков ООН, исчезновения аграрного мира, так как 5,5 из 7,5 млрд землян к 2025 г. будут жить в городах. Второй лимитирующий накопление капитала тренд факторов касается стоимости используемых в производстве материалов, в частности, за счет необходимости включения в цену изделий расходов по сохранению природной среды. В мире не осталось регионов, в которых можно было вести производство без оглядки на экологические последствия глобальных масштабов, без серьезных непосредственных воздействий на биосферу. “Я не вижу какого-либо реального решения этой фатальной дилеммы в рамках капиталистической мир-экономики, - утверждает И. Валлерстайн, - и поэтому считаю, что это второй структурный пресс на накопление капитала”.

Третий действующий в том же направлении тренд факторов - необходимость увеличивать налоги на фирмы и индивидуальных предпринимателей и работников, к чему толкают социальные расходы государства. Совокупное воздействие всех этих трех трендов рано или поздно, по мнению ученого, вызовет “терминальный кризис” капиталистической мир-экономики и в целом капитализма, который уже идет и может длиться до 50 лет. Возникающая ситуация бифуркации поставит всю современную социальную систему “перед двумя или более альтернативными путями к новой структуре с ее новым равновесием, новыми ритмами циклов, с новыми вековыми трендами”. Предлагая рассматривать современное состояние мира как переходное, отнюдь не исключаящее элементов глобализации, И. Валлерстайн оценивает указанный “переход” сквозь призму проблем “соотношения сил” и политической борьбы двух гигантских лагерей: с одной стороны, тех, кто хочет сохранить привилегии существующей системы неравенства, с другой - тех, кто стремится создать новую историческую систему, которая будет более демократичной и эгалитарной, чем прежняя. Вместе с тем, сравнивая современный мир с несущимся без тормозов под гору автомобилем, И. Валлерстайн не указывает “мудрого шофера”, который мог бы спасти и автомобиль, и его пассажиров. Его мысль сводится к тому, что колебания в условиях “перехода” столь беспорядочны, что на деле даже малейшее политическое действие будет иметь большие последствия. “Исход политической борьбы, - заключает он, - частично будет результатом того, кто кого сможет мобилизовать, но во многом он будет результатом меры, в которой удастся лучше анализировать происходящее и реальные исторические перспективы, перед которыми мы коллективно стоим”.

Последователи теории Валлерстайна утверждают, что методологическая, а в конечном счете и политическая ценность мир-системного подхода заключаются прежде в возможности осмысления направления движения исторического времени, путей мирового развития, задач и конкретных путей движения той или иной страны. Важно учитывать, что осуществление каких-либо крупных изменений в том или ином государстве или группе государств возможно лишь при особых условиях готовности мир-системы. Такая готовность существует не всегда: “места под солнцем” давно заняты, и, чтобы пробиться с периферии в центр системы или даже на полупериферию, нужно в большинстве случаев вытеснить оттуда кого-то из тех, кто там уже находится. Это имеет особое значение для России и Китая, так как они гигантские державы, более слабые, чем они могли быть или хотели быть. Их успех или поражение отражается на всем мире.

В современный период в условиях бурного нарастания глобализации, в экономической науке и хозяйственной практике понятие “экономическое пространство” начинает использоваться значительно активнее. При этом пространство “оказывается не чем иным, как виртуальной конструкцией, создаваемой в целях построения некоей концепции, теории, - ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть. К такому пониманию пространства приближается современная политика, в которой пространство безопасности, экономическое, правовое, иное выступают в роли и функции искусственно создаваемой конструкции и предназначены для лучшей организации внутринациональных и/или международных отношений”.

Развитие геополитики и геоэкономики наглядно демонстрирует разницу отношения к пространству политики и экономики. Как считает Ф. Моро_Дефарж, с точки зрения политика, территория является пространством, где государство осуществляет свой суверенитет. За пределами национальных границ суверенитет осуществляется уже другими государствами. С точки зрения экономиста, территориальные факторы представляют собой определенные выгоды и/или преимущества при совершении операций обмена. Его цель состоит в производстве и распределении (реализации) товаров. Для политика деньги являются одним из факторов могущества, для экономиста – это смазка, обеспечивающая движение и создание ценностей. Именно этими различиями в подходах объясняется постоянная напряженность в отношениях между государством и предпринимателями. Неслучайно, характеризуя современное сетевое пространство, известный американский социолог М. Кастельс называет его пространством потоков и описывает как материальную организацию социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки.. Под **потоками** понимаются целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разьединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества.

В глобализирующемся мире пространство становится средством и формой прорыва к новым средам и возможностям. Соответственно, в теории экономического пространства появляются новые позиции. Например, Ф. Моро_Дефарж утверждает, что специфика конца XX в. характеризуется тремя факторами:

- происходит углубление взаимозависимости стран в различных областях (торговля, инвестиции, перемещение капиталов, обмен технологиями), что способствует еще большему усилению этой взаимозависимости;
- важнейшие отрасли экономики отдельных стран (сельское хозяйство, промышленность, услуги) работают не только и не столько на национальный рынок, сколько на международный;
- большинство стран связывает свое будущее, свое выживание со своей способностью участвовать в международном технико-экономическом соревновании.

Одновременно следует отметить, что с точки зрения геоэкономики мировое экономическое пространство отличается существенной неоднородностью и фрагментарностью. *Неоднородность* определяется сохранением заметных различий в уровне развития: промышленные страны Запада, стремительно развивающиеся страны третьего мира, внезапно обедневшие страны бывшего социалистического лагеря, страны Африки и Азии, оказавшиеся на обочине экономического прогресса. Единство мирового экономического пространства доказывается простым фактом: различия в уровне развития не только создают непреодолимые препятствия между разнородными зонами, но и активно используются хозяйствующими субъектами (государствами, предприятиями и даже физическими лицами). *Фрагментарность* обуславливается наличием государств и государственных границ, а также культурных и религиозных границ. Такой подход отражается и в современном понимании сущности экономического пространства. Хотя его общепринятого понятия в науке до сих пор не существует, назовем одно из наиболее емких: “Экономическое пространство представляет собой особым образом организованную совокупную форму и условие существования экономических ресурсов, технологий производства и сбыта продукции, систем управления производством благ. В этом смысле можно рассмотреть различные проявления экономического пространства: ресурсное, технологическое, сбытовое, потребительское, управленческое подпространство”. Следует выделить и новые характеристики экономического пространства, связанные не с протяженностью (расстоянием), а со структурностью (уровнями системы) и связностью (частотой контактов). Это имеет особое значение для анализа сетевой природы пространства, для которой в соответствии со сформулированным М. Кастельсом законом сетевых структур “расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. В указанном смысле можно с полной уверенностью утверждать, что экономическое пространство государства (региона) может быть больше или,

наоборот, меньше административных границ. Именно такое понимание находит отражение в теории геоэкономического пространства.

2.2. Основные характеристики геоэкономического пространства

Понятие “**геоэкономическое пространство**” достаточно активно используется в современной литературе, но до сих пор его содержание четко не определено. Например, украинский исследователь В. Дергачев определяет геоэкономическое пространство как географическую интерпретацию многомерного экономического пространства. Основатель российской школы геоэкономики Э. Кочетов считает, что геоэкономическое пространство - это представление глобального пространства в виде сферы, в которой разворачиваются закономерности функционирования глобальной экономической системы, проявляющиеся в реалиях мирового воспроизводственного процесса. В соответствии с выводами Э. Кочетова центром геоэкономического пространства является единое интернационализированное воспроизводственное ядро, которое в условиях интернационализации производства соединяет разрозненные части (звенья), относящиеся к различным национальным экономикам.

Интернационализированное воспроизводственное ядро (ИВЯ) - вынесенные за национальные рамки процессы расширенного товарного воспроизводства, звеньями которых выступают национальные и наднациональные хозяйствующие субъекты. По своей структуре ИВЯ распадается на две составные части: интернационализированная часть сферы производства и интернационализированная часть сферы обращения. Интернационализированные части этих сфер составляют интернационализированное ядро мирового воспроизводства в рамках национальной экономики. Естественно, как в той, так и в другой сфере остаются неинтернационализированные части, которые выступают в роли задела для вплетения в процесс интернационализации. В сумме эти части составляют обширные зоны мировой экономики, не задействованные транснационализацией и потому выпадающие из общего контекста мирового развития.

О масштабах интернационализированной и неинтернационализированной части российской экономики позволяют судить следующие цифры. Удельный вес России в мировой торговле в середине 1990-х гг. составлял около 1,5%. В 2010 г. этот показатель повысился до 2,26 %, в основном за счет экспорта нефти и газа². Очевидно, что для изменения роли РФ на глобальной арене необходимо уменьшение ее зависимости от сырьевых ресурсов, улучшение инвестиционного климата и внедрение инноваций.

Становление и развитие интернационализированного воспроизводственного ядра проходит в несколько этапов.

Производственно-коммерческий анклав (агломерация) - временное, но относительно устойчивое образование, которое характеризуется общей производственной базой, технологическим и научно-техническим единством

складывающихся в их рамках процессов по производству и реализации новейших разновидностей товара.

Современная теория геоэкономического пространства во многом использует выводы мир-системного анализа. Так, в структуре геоэкономического пространства также можно выделить ядро, полупериферию и периферию, которые, однако, имеют определенные особенности.

Различия между понятиями “центр (ядро)” - “полупериферия” - “периферия” лежат в двух плоскостях:

- отношения властвования (господства) – подчиненности (зависимости). Часто можно встретить определения ядра как территории, эксплуатирующей периферию, а полупериферии - как территории, способной эксплуатировать периферию, но одновременно эксплуатируемой ядром;
- внутренние характеристики государств. “Центральное” общество противостоит периферии не просто с точки зрения более высоких показателей производительности труда или ВВП на душу населения. Оно обладает передовыми технологиями, инфраструктурой, транспортными средствами, коммерческой культурой, сбалансированностью различных отраслей, социальным и политическим динамизмом, что обеспечивает прочные позиции на мировом рынке. Напротив, для периферии характерны расстыковка различных хозяйственных секторов (прежде всего аграрного и индустриального), недостаток хозяйственного кругооборота, узость внутреннего рынка, социальные контрасты и прочие дисбалансы, что связано с сосуществованием современных структур с архаическими.

Однако положение полупериферии совсем неоднозначно. Это выражается не только в средних экономических показателях, но и в специфической позиции в мирохозяйственной среде: являясь периферией по отношению к центру, полупериферия сама может становиться центром для окружающей периферии.

Способность полупериферии защищать свой внутренний рынок от центра и, наоборот, вторгаться на рынки периферии подкрепляется не только экономическими, но и политическими предпосылками (прежде всего дееспособностью государства). Как подчеркивает российский исследователь В. Хорос, полупериферийность есть некий “дорожный знак” всемирного процесса модернизации и его различных эшелонов движения от Периферии к Центру и наоборот.

Можно выделить следующие главные преимущества в борьбе за повышение статуса в иерархии современного пространства:

- величина ресурсов (особенно финансовых, научно-технических, информационных и интеллектуальных, а также адекватных моральных и правовых традиций), способность их мобилизовать для успешной конкуренции в наиболее прибыльных сферах текущей ситуации;
- опорная сеть и кадровый потенциал экономической экспансии;
- выгодное геоэкономическое положение (перекресток торговых путей и их безопасность);

- отсутствие чрезмерных трат на национальную безопасность и безопасность международной торговли.

Два первых фактора поддерживают стабильность - сохранение странами ядра их высшего статуса. Два последних фактора помогают другим странам повысить свой статус (из периферии в полупериферию, из полупериферии в ядро) и даже вытеснить соперников, но только при условии активного использования полученных возможностей.

При всем отличии данных моделей они направлены на достижение одной и той же цели - модернизацию, создание высокоразвитого, конкурентоспособного диверсифицированного национального хозяйственного комплекса, хотя цель эта достигается разными средствами. Однако предшествующий опыт “догоняющего развития” или запоздалой модернизации убедительно свидетельствует: успешное преодоление периферийности (полное или частичное) предполагает весьма взвешенное, избирательное отношение к внешнему рынку. Даже выбор экспортоориентированной стратегии не может означать простой вывоз сырья и тем более иметь его самоцелью. Еще более показателен пример стран, масштаб и размеры которых диктуют необходимость создания или поддержания импортозамещающего комплекса, поддержки национального внутреннего рынка, временной защиты его от непосильной до поры конкуренции с более развитыми экономиками. В этом плане выходом должно быть использование инструментов “эффективного протекционизма”.

Складывающееся мировое геоэкономическое пространство является одновременно единым и неоднородным, упорядоченным и анархичным. При этом в качестве движущей силы создания такого пространства выступает не только торговля товарами и услугами и движение факторов производства, включая денежный капитал и рабочую силу. Мощным интегрирующим фактором является бурное развитие транспорта. Огромное воздействие оказывает информационная революция, которая в небывалой степени интенсифицировала все виды международных связей, в том числе экономических и финансовых. Более того, информационно-финансовые изменения существенным образом сказались на характере интеграции:

- информация приобрела стоимость и стала товаром, измеряемым денежным эквивалентом;
- происходит “дестафация” денег (от англ. stuff — вещь) - исчезновение их материально-вещественного содержания. Современные деньги действуют в разнообразных “электронных” и расчетных формах, в которых на передний план выходит их информационная сущность;
- возникли и быстро растут информационно-финансовые рынки, причем емкость этих рынков, функционирующих во всемирном масштабе, значительно перекрывает объемы товарных рынков;
- в структуре капитала быстро повышается удельный вес фиктивного капитала, выраженного не в деньгах, а в правах на получение дохода - акциях, облигациях и т. д.;

- компьютерные сети становятся всеобщими финансово-информационными коммуникациями, функционирующими во всемирном масштабе; растут нематериальные активы предприятий, включая информационные товары, в денежном выражении.

В условиях развития новых средств информационной связи и современной техники как результата научно-технической революции происходят значительные изменения государственных финансовых потоков.

Финансовые потоки государства - оцененное в денежном выражении движение (изменение количества, стоимости, пропорций, перераспределение между любыми институциональными единицами экономики - секторами, хозяйственными субъектами и пр.) любых элементов имущества или объектов имущественных прав и, соответственно, любых источников их формирования (финансирования). Развитие положительных финансовых потоков государства является свидетельством усиления его конкурентоспособности посредством повышения капитализации.

Однако развитие финансовых потоков государства в условиях финансовой глобализации в конечном итоге приводит к усилению дерегулирования и либерализации внутренних рынков капиталов. Особое значение для современной эпохи имеет отмечаемый российскими и зарубежными учеными отрыв финансового капитала от стационарной по своей сути сферы промышленного производства и услуг. Постиндустриальная система не предполагает наличия постоянных мест аккумуляции и концентрации капитала, который мигрирует в места, где обеспечивается его максимальная продуктивность и приемлемый уровень риска. Поэтому перспективы финансовых центров напрямую определяются уровнем развития фундаментальной науки, инновационным потенциалом территории. Оффшорные зоны, мировые финансовые центры в лице крупнейших банков, валютных, фондовых бирж и иных крупных финансовых институтов повсеместно выхватывают из процесса кругооборота капитала, пожалуй, самый мобильный его элемент - деньги - и, манипулируя ими, аккумулируют в своих руках значительную финансовую и экономическую мощь. В результате происходит отрыв финансовых потоков от реального воспроизводственного процесса и уход колоссальных сумм в виртуальное пространство спекулятивных операций. В геоэкономическом пространстве возникает относительно новое явление, получившее название **геофинансы**. Этот феномен определяют как новое финансовое пространство-время, игнорирующее законы географии и национальные границы, представляющее собой синтез мировых денег, информационной технологии и либерализации законодательного регулирования.

С позиции сущностной характеристики геофинансы оцениваются как важнейшая составная часть современной экономической реальности в пространственном отношении и как дуалистическое явление, обусловленное изменением структуры международных финансовых потоков и мировой системы финансов в целом. С одной стороны, это "традиционные" финансы, сохраняющие непосредственную связь с процессами общественного воспроизводства и носящие

инвестиционный характер, с другой - так называемые виртуальные финансы, т. е. оторванные от воспроизводственных процессов, способствующие перераспределению финансовых ресурсов в пользу спекулятивного капитала.

Важной характеристикой геофинансов является их отрыв от национальных финансовых систем. Функции регулирования мировой финансовой системы отчасти перемещаются к мировым финансовым центрам, главным из критериев экономической деятельности которых является максимальная прибыльность в кратчайшие сроки, значение же всех прочих критериев нивелируется.

Это означает, что именно в этой области ощутимее всего подрывается государственный суверенитет. В самом деле в геофинансовом отношении государство является ничем иным, как получателем капитала, конкурирующим с другими государственными и частными, национальными и транснациональными субъектами. Оно уже больше не может замыкаться в себе, но должно выставляться на суд международных рынков. Однако потеря государством возможности использовать свое превосходство на финансовых рынках вовсе не является отрицательным фактом, поскольку значительно уменьшила способность властей “покупать” одобрение электората путем принесения в жертву интересов будущих поколений и переваливания на них сегодняшних долгов.

Воздействие геофинансов на национальную экономику обостряет проблемы национальной безопасности, так как финансы - это канал проникновения, позволяющий контролировать извне страну должника. Внешний контроль может быстро распространиться на все стороны экономической, а затем социальной жизни. Так, обретают черты новые формы вассалитета и колониализма. Это означает, что геофинансы превратились в существующее само по себе стратегическое наступательное и оборонительное оружие, перестав быть просто областью столкновений между государствами-сообществами. Вместе с тем и в сфере геофинансов остаются справедливыми слова известного российского политолога С. В. Кортунова, связанные с оценкой роли геоэкономики для современного общества: отказаться от интеграции - значит отказаться от полноценного развития. Ни одно общество не может быть конкурентоспособным, не став частью мирового экономического пространства. Этот фактор помимо всего прочего определяет приоритетность геоэкономических механизмов обеспечения национального развития по сравнению с геополитическими и геостратегическими, поскольку именно геоэкономика становится основной парадигмой развития мирового пространства.

В конечном счете, мировая геофинансовая система не только впитывает особенности глобального воспроизводственного цикла, но и привносит совершенно новые моменты: геофинансы начинают выступать как среда для мирового воспроизводства и одновременно с этим становятся самостоятельной, самодостаточной, саморазвивающейся мировой популяцией.

Следует особо подчеркнуть и то, что в геоэкономике геофинансы выполняют еще одну чрезвычайно важную функцию, связанную с распределением мирового дохода и геоэкономической ренты. Таким образом, геофинансы выступают в двойной роли: с одной стороны, они способствуют мобилизации финансовых

ресурсов, опосредующих все звенья мирового воспроизводственного цикла, с другой - геофинансовые потоки используются для движения рентных платежей.

2.3. Мировой доход и геоэкономическая рента

Формирование геоэкономического пространства значительным образом изменяет систему формирования и распределения мирового дохода. До конца XX в. *мировой доход формировался как сумма национальных доходов*. В свою очередь, *национальные доходы* представляли собой результат использования принадлежащих нации факторов производства – природных ресурсов, труда и капитала - в рамках *национальных технологических цепочек*. Таким образом, добавленная стоимость, полученная в рамках отдельной такой цепочки, полностью включалась в доход данной нации, который распределялся и перераспределялся внутри нации. В результате интернационализации технологических цепочек ситуация принципиально изменилась. Теперь мировой доход представляет собой не сумму доходов наций, а сумму доходов *интернациональных технологических цепочек* (которые принимают конкретную форму транснациональных корпораций (ТНК) либо стратегических производственных альянсов). Впервые возникает проблема распределения добавленной стоимости международной технологической цепочки *среди наций*, экономические субъекты которых участвуют в этой цепочке.

Доля мирового дохода, получаемая конкретной нацией, зависит не только от звена технологической цепочки, в котором задействованы ее производительные силы (например, поставляет она первичные сырьевые ресурсы либо реализует наукоемкие и высокотехнологичные стадии производства), важную роль играет также соотношение политических сил, борьба интересов в рамках геополитических зон влияния.

Мировой доход - доход в мировом измерении от внешнеэкономической деятельности, получаемый при реализации товаров и услуг, произведенных в рамках интернационализированных воспроизводственных ядер (циклов), транснациональных экономических структур с использованием всех видов национальных ресурсов, в том числе и ресурсов стран, не признанных в качестве участников этих ядер (циклов), и предназначенный для реинвестирования расширенного интернационализированного воспроизводства.

Следует подчеркнуть, что механизм перераспределения мирового (межнационального) дохода складывается стихийно, тем не менее, требует определенного регулирования, он должен пройти свой путь развития от стихийности до планомерного распределения и регулирования его формирования. По мнению Э. Кочетова, мировой доход как центральная составляющая интернационализированных воспроизводственных ядер должен распределяться между участниками всемирного воспроизводственного процесса с учетом степени участия в мирохозяйственной деятельности. Однако он распределяется крайне неравномерно, что во многом объясняется жесткой борьбой за его “составляющие”. В качестве иллюстрации можно привести такой факт. По

данным ООН, на долю 80% населения земного шара приходится 20% мирового дохода. Таким образом, проблема неравномерного распределения мирового дохода в современной экономике принимает глобальный характер.

Следует учитывать, что положение страны в геоэкономическом мире определяется тем, какое место она занимает на глобальном рынке, каким образом включена в систему мировых обменов. При этом обмен товарами и движение капиталов - лишь часть потоков, текущих в глобальном геоэкономическом пространстве. Кроме товаров и финансов в мире движутся культурные ценности (идеи, технологии, культурные образцы, идентичности), а также происходит оборот человеческого капитала и биосферных ресурсов. Поэтому в современной экономике одним из важнейших источников получения мирового дохода становится геоэкономическая рента.

Геоэкономическая рента - экономическая форма реализации конкурентных преимуществ. Понятие “рента” имеет позднелатинские, французские и немецкие корни происхождения; в переводе на русский язык означает “отданная назад, возвращенная”. Рента - вид дохода, не связанного с предпринимательской деятельностью, регулярно получаемого с капитала, земли или имущества. Рентные отношения возникают между собственниками и пользователями ресурса. Последние выступают в качестве лиц, несущих рентные платежи, которые не могут быть рассчитаны непосредственно. Как правило, геоэкономическая рента может определяться на основе альтернативной стоимости, т. е. стоимости упущенной возможности (издержек).

Виды геоэкономической ренты:

Рента по инфраструктурному обустройству представляет собой ренту на вложенный ранее капитал в создание инфраструктуры благоприятного рыночно-экономического пространства. Она возникает в результате использования предприятиями, гражданами, правительственными организациями другой страны существующей производственной, деловой и т. д. инфраструктуры, дающей улучшенные условия жизни, производства, транспортировки и т. д. Деньги, вложенные в оборудование и инфраструктуру, увеличивают ренту на величину затрат по переносу данного производства на другое место, поскольку если хозяин земли будет повышать плату за землю, то предприниматель некоторое время будет соглашаться платить больше, но как раз до того предела, когда плата за землю превысит издержки, которые будут затрачены, если придется перемещать производство. При запуске спутников увеличивается рента на землю космодромов, центра управления полетом.

Геосферная (цивилизационная) рента имеет различные формы проявления, связанные прежде всего с социокультурными особенностями территорий. Источниками этой ренты может быть, например, использование английского языка в мировой финансово-экономической практике. По некоторым оценкам это преимущество оценивается в 30–50 млрд долл. ежегодного дохода.

Инновационная рента - разновидность монопольной ренты. Это связано, во-первых, с тем, что собственник новой технологии или продукта на первых порах всегда монополист и рыночный спрос на его продукцию объективно не

может быть удовлетворен сразу, что делает получение ренты справедливым. Во-вторых, инновационная рента - явление временное и понижающееся с течением времени. Феномен компании Microsoft, упорно не снижающей цену на свой программный продукт, есть следствие желания обладать, скорее, монополистической, а не инновационной рентой, и суд над ней в этом отношении показателен. В-третьих, раздел инновационной ренты практикуется не столько с государством, сколько с потребителем. Последнему выгодно покупать пусть даже более дорогие, но более производительные продукты и технологии, поскольку он получает при этом большие преимущества перед конкурентами. Поэтому в отношении венчурного (рискового) бизнеса практикуется внимательное отношение со стороны законодательства, в частности на него не распространяются антимонопольные акты или их действие смягчено. К инновационной ренте обычно относят интеллектуальную (технологическую), управленческую, сертификационную и т. д. ренты.

Интеллектуальная рента - долговременный доход в связи с монопольным владением информацией, особым умением трудиться, технологией, т. е. знанием о том, как увеличить производительность труда. Ее можно назвать и технологической, потому что речь идет прежде всего об обладании технологией. Квалификация может быть непередаваемой. Например, нельзя зачастую научить обычного работника выполнять некоторые операции так, как это делают мастера своего дела. И в наше время все чаще источником интеллектуальной ренты выступают не носители информации в виде записи или суперсовременных машин, а люди. Успехи Южной Кореи и Тайваня можно объяснить компенсацией недостатка физического капитала высоким качеством рабочей силы. Интеллектуальная рента основана на защите государством монопольного пользования владельцем патента данным изобретением. Можно выделить следующие особые свойства интеллектуальной ренты:

- разница во владении информацией постоянно рассеивается из-за распространения информации и имеет тенденцию к нулю, т. е. в отличие от земельной, интеллектуальная рента на конкретный ресурс постоянно падает;

- необходимость постоянного инвестирования средств для создания новой технологии, а значит, и добавочного продукта для уменьшения тенденции интеллектуальной ренты к снижению;

- существование естественных ограничений на максимально возможную скорость распространения информации, скорость концентрации ресурсов для воспроизводства высокотехнологичного изделия, а также искусственных барьеров (патенты и лицензии), предназначенных для защиты интеллектуальной ренты. Однако такие запреты не являются эффективной мерой закрепления ренты, так как технология сейчас устаревает каждые 2 года. К тому же информацию о многих технологиях можно открыто получить через Интернет, но начать производство подобных товаров мешает отсутствие технологической пирамиды и человеческого культурного капитала. (Технологическая пирамида - это представление о своеобразной иерархии технологий, сложившейся в международном разделении труда. Вершиной этой пирамиды являются создатели

90 новых технологий (товаров, продуктов и т. д.), а уровни, вплоть до основания, образуют производители товаров, в той или иной форме использующие разработанные “ноу_хау”.);

- открытость научной информации носит ограниченный характер, пока другие не могут воспроизвести технологии. Наиболее яркий пример правового ограничения – действовавший в США запрет на вывоз современных компьютеров в СССР.

Интеллектуальная рента развитыми странами используется для инвестиций в капитал и инфраструктуру и постоянно накапливается в виде земельной ренты. Экспортируется часть добавочного продукта в виде капитала, но без технологии - источника интеллектуальной ренты (по крайней мере, ее основной массы);

- регуляторами интеллектуальной ренты являются: процесс перемещением рабочей силы через границы, развитие инфраструктуры, связанной с инвестированием добавочного продукта;

- интеллектуальная рента после ее инвестирования переходит в земельную или капиталистическую ренту и в человеческий капитал.

В геоэкономике особое значение приобретает и такая разновидность инновационной ренты, как **управленческая рента**, которая, как представляется, должна рассматриваться в рамках разработки и использования методов “кольберизма высоких технологий”. Владение, например, правами эмиссии мировой резервной валюты позволяет эффективно регулировать в свою пользу глобальные ресурсные потоки. В сфере управления происходит нечто подобное: владение правами на стандарты и технологии позволяет обеспечить ренты **сертификационную** (доход от услуг определения соответствия управленческих процедур норме, установленной теми же создателями технологий) и интеллектуальную (через продажу индустрией консалтинга собственно управленческих концепций и технологий). Эта теория подтверждает центральное место управленческих технологий в геоэкономической конкуренции.

Рента по местоположению является дополнительным доходом, связанным с положением хозяйственного субъекта относительно рынков. К ренте по местоположению следует относить такие виды рент, как столичная, портовая, транзитная, приграничная и т. д.

Столичная рента (рента главных городов) обусловлена поступлением дополнительного дохода, получаемого городами в связи с их статусом, концентрацией в них инфраструктуры и услуг, обеспечивающих предпринимательскую деятельность и взаимодействие национального хозяйства с мировым. Именно в столичных городах оседает значительная часть ресурсной ренты, большая часть доходов от операций с импортными товарами и от посреднической деятельности. Кроме того, рента формируется за счет концентрации высокодоходных видов деятельности, более быстрого внедрения технологических нововведений на основе зарубежных инвестиций, притока дополнительных финансовых ресурсов и т. д.

Портовая рента - это дополнительный доход от местоположения, который получают торговые порты в результате использования портовых ресурсов (морских, речных, транспортных, инфраструктурных и т. д.).

Транзитная рента - право на получение дохода за инфраструктурное обеспечение экономической деятельности на территории, например доход транспортной системы (страны и/или региона) от транзитных перевозок пассажиров и грузов.

Приграничная рента - доход от использования фактора приграничья, т. е. поиска и/или существования дополнительных возможностей трансграничной кооперации.

В современных условиях развития глобализации распределение мирового дохода может основываться на других рентных источниках. Например, на *экологической антиренте*, позволяющей получать доход за счет нарушений экологического баланса, и *квазиренте*, устойчиво (но на ограниченный период) получаемой при использовании воспроизводимых, не связанных с эксплуатацией природных ресурсов, а скорее, интеллектуальных факторов воспроизводства.

Рассматривая разновидности геоэкономической ренты, следует учитывать и то, что она имеет двойкий характер и проявляется как “рента развития” для развитых стран и “рента отсталости” для отсталых. Развитые территории, потребляющие огромные товарные ресурсы, покрывают возникающий товарный дефицит в глобальных обменах, как правило, с помощью так называемой *ренты развития* - взимания платы за пользование идеями, стандартами, информацией и культурными ценностями, а также за допуск представителей менее развитых стран на свои богатые рынки.

Но самый большой выигрыш развитые страны получают за счет стратегического лидерства. Они формируют повестку дня для всего мира, “упаковывая” в свои проекты политическую и экономическую активность других стран, задавая для них направление развития.

Менее развитые регионы и страны дефицит своего торгового и платежного баланса в глобальной экономике покрывают, как правило, природными ресурсами: людьми, сырьем, территориями, экологическими квотами - *рентой отсталости*.

Формы ренты развития и ренты отсталости могут быть различны. Например, в XIX в. Великобритания нашла способ взимания “ренты развития” с Индии и Китая путем сознательного торможения развития некоторых отраслей промышленности, а главное, за счет изменения моделей потребления, поддержки торговли опиумом и проч. Современная Россия уплачивает “ренту отсталости” развитым странам “бегством капитала” на Запад, сырьевой специализацией, “утечкой мозгов”, а главное - выплатой государственных долгов.

Проблема получения геоэкономической ренты актуальна для ее отдельных территорий. Например, исследования показывают, что текущее состояние дальневосточных регионов РФ характеризуется своеобразным парадоксом. Имея положительное сальдо товарного баланса и баланса услуг, отличаясь более высоким инновационным потенциалом, они, тем не менее, платят ренту

отсталости сопредельным территориям Китая, что проявляется, в том числе, в огромных суммах “серой” торговли “челноков” и “помогаек”, насыщающих потребительские рынки относительно дешевым ширпотребом. В силу собственной “недоразвитости” дальневосточные регионы вынуждены выплачивать геоэкономическую ренту отсталости и центральным российским регионам, поглощающим человеческий капитал из Дальнего Востока и постепенно устанавливающим контроль за финансовыми и товарными потоками приграничных территорий. Безусловно, такое положение не может быть устранено без участия федеральных властей.

В целом участие современной России в получении мирового дохода и геоэкономической ренты сравнительно невелико.

Причинами этого являются и продолжающийся структурный кризис, и технологическая деградация, и усиливающиеся угрозы национальной безопасности во всех ее аспектах и проявлениях. Это требует активизации геоэкономической политики государства, использования геоэкономических методов высоких технологий для реализации национальных интересов при включении страны в интеграционные процессы.

Тема 3. Становление и развитие геоэкономических систем

Программная аннотация

- 3.1. Понятие и основные признаки геоэкономических систем
- 3.2. Геоэкономические аспекты лимологии
- 3.3. Геоэкономический полюс и геоэкономический центр сил
- 3.4. Геоэкономический баланс сил

3.1. Понятие и основные признаки геоэкономических систем

Развитие геоэкономики и геофинансов стимулировало выход экономик за национальные рамки, в результате на мировой арене стали появляться новые субъекты внешнеэкономических связей, действующие в рамках геоэкономических систем.

Геоэкономическая система - совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых национальных и транснациональных структур, обладающая способностью к реструктурированию и последующему движению к динамическому равновесию.

Субъектам геоэкономических систем соответствует определенный уровень взаимодействия. Предприятиям соответствует производственный уровень, отдельным отраслям - отраслевой уровень, межотраслевым структурам - межотраслевой уровень, странам - межгосударственный уровень сотрудничества, и, наконец, наивысшим уровнем сотрудничества является межконтинентальное взаимодействие различных субъектов геоэкономической системы.

Многообразие форм и видов деятельности субъектов геоэкономических систем требует создания определенных условий их взаимодействия. Среди них:

- коллективный ответ на общие вызовы;
- отсутствие неразрешимых противоречий;
- взаимовыгодное сотрудничество.

Национальное государство стремится усилить контроль над субъектами геоэкономических систем, действующими на его территории, посредством встраивания в национальную экономику соответствующей внешнеэкономической модели.

По мнению Э. Кочетова, она включает три основных блока:

- доступ к формированию мирового дохода и его перераспределению;
- управленческую и организационно_функциональную форму;
- механизмы принятия стратегических решений.

Таким образом, внешнеэкономическая модель (модель внешнеэкономических связей) формирует организационную структуру геоэкономической системы.

Снабженческо-сбытовая модель ВЭС - национальная система взаимодействия с внешней экономической сферой, выстраиваемая на планово-распределительной основе и в незначительной степени опосредованная мировым рынком.

Торговая модель ВЭС - национальная система взаимоотношений с внешнеэкономической сферой, опосредованная конъюнктурой мирового рынка и выстраиваемая только по одному звену воспроизводственного процесса - обмену (товарами, услугами и т. д.). Торговая модель базируется на международном разделении труда, заключении сделок по вывозу (экспорту) товаров в другие страны и ввозу (импорту) товаров из других стран.

Воспроизводственная (геоэкономическая) модель ВЭС - национальная система взаимодействий с внешней экономической сферой, выстроенная на базе сотрудничества по всем звеньям воспроизводственного процесса, вынесенного за национальные рамки.

Развитие моделей внешнеэкономических связей во многом связано с изменением характера товарных потоков, а также самой товарной формы, когда наряду с производством и реализацией единичных товаров или товаров-групп происходит производство и реализация товаров-объектов и товаров-программ.

Единичный товар - простейшая товарная форма, определяющая отдельные изделия или сырьевые компоненты и полуфабрикаты.

Товар-группа (товары группового ассортимента) - товарные группы, в которых на основе потребительского спроса вокруг базисного товара формируется широкий “ассортиментный шлейф” конструктивно и технологически однородных изделий, отличающихся друг от друга по одному или нескольким признакам (типам, размерам, параметрам, химическому составу и т. п.).

Товар-объект (товар-предприятие) - форма товара, при которой предметом внешнеэкономической сделки (сделки “генерального подряда”) выступают объекты различного назначения (строительство объектов “под ключ”).

Товар-программа - форма товара, при которой предметом внешнеэкономической сделки выступает комплекс функционально либо технологически взаимосвязанных между собой различных предприятий, объектов, сооружений, систем и т. д.

Соответствующие изменения претерпевают и организационные формы хозяйствования. Например, специализация на производстве единичных товаров или товаров-групп осуществляется, как правило, отдельными фирмами или крупными объединениями с достаточно однородной организационно-экономической структурой, включающей весь обычный, “стандартный”, набор подразделений производства, сбыта, сервиса, отделов, связанных с поиском и освоением технологий из смежных отраслей, привлечением субподрядчиков, обучением и подготовкой специалистов, связанных с монтажом и эксплуатацией оборудования. При специализации на производстве товаров-объектов требуется создание уже новых организационных структур, включающих сложные производственно-коммерческие агломерации, пулы промышленных концернов, банков, научно-исследовательских институтов, лабораторий, консультационных агентств. Наибольшие организационные изменения происходят при производстве и реализации товаров-программ, обуславливающих необходимость сращивания государственных и коммерческих структур путем создания особых органов и институтов в результате подписания межправительственных соглашений, организации смешанных компаний с участием национальных фирм, поддержки деятельности данных структур банковскими консорциумами, достраивания их различными военно-политическими организациями и союзами.

В сложившейся ситуации государство, вынужденное выступать в роли глобального предпринимателя, качественно изменяется: под воздействием геоэкономических факторов глобализации идет эволюция государственных форм. Уже сегодня можно говорить о различных типах государств, действующих в различных геоэкономических системах.

Страна-система - государство, которое в целях реализации своих геоэкономических интересов формирует самостоятельную систему ИВЯ. Их звеньями выступают национальные транснационализированные структуры, которые государство защищает военными средствами, делегируя одновременно реализацию национальных интересов в геоэкономическом пространстве. Ярким примером являются США, которые уже не держат всю свою армию по классической системе на границе. Американская армия нужна, чтобы следить за экономическими интересами, а не целостностью территории. Поэтому американские базы размещены далеко за пределами административных границ страны.

Несопредельные государства складываются различными способами. Например, в рамках “воспроизводственных анклавов-ядер”: штаб-квартира концернов “Даймлер” и “Крайслер” находится в Штутгарте. Субпоставщиками

являются концерны Швейцарии, Австрии, Дании, Швеции. Таким образом, эти концерны своим ареалом обитания могут считать всю названную гигантскую территорию, которая в экономическом плане сравнима с любой страной. Другим способом образования неопределенных государств является использование диаспоры, которая фактически представляет собой плод диффузии двух государств - исторической и новой родины. Как показал опыт Китая, диаспора может быть огромным вспомогательным источником развития “прародины” через финансы, через развитие связей с тем государством, где находятся ее выходцы.

Образование **регионов-государств** часто связано с трансграничными финансовыми потоками. Типичным примером является Швейцария, которая по территории - мизерная страна, но - гигант по конфигурации геофинансов, способный контролировать посредством “кольбертизма высоких технологий” огромные ареалы.

Формирование и развитие геоэкономических систем значительно изменяет подход к понятию эффективности. На самых нижних этажах геоэкономической структуры она характеризуется, например, обычной прибылью, получаемой в результате производства и реализации единичных товаров и товаров-групп. При специализации на товарах-объектах эффективность определяется уже долговременным экономическим и организационным эффектом, который образуется в результате того, что производственно-коммерческие агломерации вступают в длительные хозяйственные отношения с потребителем, обеспечивая проектирование, монтаж, эксплуатацию и сервис объектов, обучение специалистов и реализацию прочих сопутствующих функций. При этом происходит как бы своеобразное “вживание” агломерации в чужеродную организационную и национальную структуру, расширение и удержание рыночной ниши, а часто и получение сверхприбыли, связанной с геоэкономической рентой развития.

При специализации на продвижении товаров-программ возникает проблема геоэкономической эффективности, которая достигается за счет объединения корпораций с различными государственными институтами. Учитывая большие масштабы подобных программных сделок, к их использованию привлекается огромное количество фирм, что позволяет отчасти за счет эффекта масштаба, а отчасти и из-за разницы в цене ресурсов снизить совокупные издержки. Системный эффект дополняется включением потребителя в сферу прямого экономического, политического и военного влияния поставщика товара-программы. При этом возникает уже монопольная прибыль, обеспечиваемая уникальностью каждой программы, а также поддержкой организационных структур, занимающихся ее разработкой и продажей, государственной политической и военной машиной, значительно снижающей конкуренцию в этой сфере.

Оценка эффективности функционирования геоэкономической системы будет неполной без учета ее потенциала.

Геоэкономический потенциал - это совокупность используемых и потенциальных возможностей (ресурсов) геоэкономической системы и ее субъектов по важнейшим сферам деятельности.

Основой развития геоэкономического потенциала в современных условиях становится пространственность экономических ресурсов, которая придает традиционным экономическим ресурсам большее значение и роль в развитии геоэкономических систем. Пространственный характер делает их более мобильными, легкодоступными, свободно взаимодействующими друг с другом и в то же время слабо поддающимися контролю человека над ними. В этом смысле геоэкономический потенциал можно определить как интегральный показатель территориальной концентрации, определяющий локализацию ресурсов в аспекте их относительной избыточности или дефицитности.

При исследовании сущности и понятия геоэкономического потенциала необходимо определять не только основополагающие тенденции, процессы, модели и векторы развития мировой экономики, но и отдельных ее секторов и рынков. Это связано с тем, что пространственность экономических ресурсов стала фактором объективным и обуславливает снижение роли государства в управлении национальной экономикой.

Наиболее ярко этот процесс проявляется в возникновении такого явления, когда политический суверенитет государства не совпадает с экономическим (если геоэкономический потенциал государства достаточно высок, то национальные хозяйственные рамки выходят за его географические границы, но если он слаб, то экономический суверенитет может сузиться до нуля).

Но и совпадение политической и экономической границ государства, в условиях отсутствия тенденции к расширению последней, также влечет за собой отставание, и не только в экономическом развитии, и требует постепенного увеличения масштабов открытия национального хозяйства внешнему миру.

3.2. Геоэкономические аспекты лимологии

Глобализация и виртуализация изменили экономическую архитектуру мира. Геоэкономический мир не признает государственных и географических границ, но этот новый мир не унифицируется, не стандартизируется - вместо геополитических границ появились геоэкономические границы. Наряду с ними открываются другие подвижные границы (цивилизационные, культурологические, демографические, инновационные и т. д.). Все это создает сложнейшую сетку членения мира, где границы не совпадают, а взаимопересекаются. Например, трансграничность пронизывает буквально всю мировую экономику: в производственной сфере - появление блуждающих интернационализированных производственных ядер, превративших многие страны в "страны_системы", включившие в свой состав огромные "чужие" хозяйственные зоны (территории); в финансовой сфере - мощные трансграничные финансовые потоки; в информации - мировая компьютерная сеть с большой скоростью передачи информации; в правовой сфере - отход от международного

права к корпоративному; в военной сфере - ориентация военной компоненты не только на защиту суверенных границ, но и в основном на защиту экономических границ “стран-систем”, внешних геоэкономических плацдармов.

Государственная граница - политическая или экономическая граница, лимитированная государственным строем, национальной обособленностью, таможенным контролем, правилами внешней торговли.

Геоэкономические границы - зоны экономического влияния, геоэкономические плацдармы, стыки межгосударственного разделения труда, на которых идет обмен товарами и услугами и распределяется мировой доход и геоэкономическая рента.

Все эти изменения находят отражение в новых концепциях **лимнологии** (от лат. *limes* - граница) - науки о границах, барьерах, переходных системах. Ее целью является систематизация знаний о границах, их многоаспектная классификация, разработка методологии изучения, создание общей понятийной базы.

В условиях господства геополитических подходов в лимнологии активно разрабатывались теории, объясняющие феномен государственных границ политическими факторами. Сами государства выступали как неизменные данности, как “естественные” регионы, действующие как единое целое. Утрата геополитикой лидирующих позиций в осмыслении проблем приграничья способствовала складыванию постмодернистских концепций. Среди них в рамках геоэкономики особого внимания требует неолиберальная концепция “мира без границ”. Ее представители утверждают, что благодаря влиянию процессов интернационализации и либерализации экономики, новым технологиям и развитию коммуникаций, растущему благосостоянию населения и осознанию людьми опасности глобальных проблем, требующих мирного разрешения территориальных споров на основе международного права, функции границ претерпевают линейную эволюцию от отчуждающих до интеграционных. Многие пограничные противоречия удается преодолеть благодаря разделению экономических и идеологических функций границы. Так, несмотря на высокую зависимость канадской экономики от американской, товарооборот “средней” канадской провинции с другими регионами страны, скорректированный по численности населения и душевому доходу, в 12 раз, а обмен услугами - в 40 раз больше, чем с соседними штатами США. Сходная картина наблюдается и в ЕС. Поэтому дискурс об отмирании границ относится только к “интеграционным”, мирным и давно признанным государственным рубежам, которые пролегают в основном в Европе и Северной Америке и составляют не более 5% общей протяженности сухопутных национальных границ в мире.

Анализ современных концепций лимнологии свидетельствует о внимании исследователей к усиливающейся коммуникативной функции границ, что проявляется в том числе в изменении оценки приоритетов и проблем развития регионов, а также роли органов власти и управления различных уровней в их решении, что вполне отвечает вызовам глобализации. Такое понимание границ как зоны влияния, тяготения, обслуживания имеет и геоэкономическую основу. При этом следует учитывать, что в современный период развитие национальных

(формальных) и геоэкономических (неформальных, подвижных) границ сильно взаимосвязано, что проявляется в основных характеристиках границ.

Барьерность формальных границ сдерживает динамику неформальных границ, например, через ограничения для иностранных инвесторов, через тарифные и нетарифные ограничения для товаров и услуг, через паспортно-визовый режим трансграничных движений и т. п. Наоборот, контактность формальных границ через конкурентоспособность позволяет экономическим агентам совершать экспансию на рынки стран и регионов-партнеров, расширять зоны сбыта товаров и услуг, выстраивать экономическую стратегию компаний и банков с учетом потенциала зарубежных рынков.

Контактность границ является необходимым условием для формирования экономических интересов за пределами страны и региональных интеграционных группировок. При этом общей закономерностью является прямая зависимость контактности границ от уровня развития стран-партнеров, их культурной близости, схожести национальных экономических и правовых систем, взаимной близости и соседства. Высокая степень контактности границ способствует формированию больших рыночных пространств и снижению барьерности их государственных границ.

На основе анализа форм проявления контактности и барьерности можно выделить четыре типа границ:

1) *отчуждающие границы*, характерные для закрытых систем, где экономика подчинена военным целям, а внешние обмены минимальны;

2) *полупроницаемые границы*, для которых характерна частичная асимметричная проницаемость, так как взаимодействие;

3) *соединяющие границы* - открытые границы как зона инноваций, на которых потоки ресурсов и капиталов осуществляются не только на межгосударственном, но и на местном уровнях;

4) *интеграционные границы* - возникают на завершающей стадии формирования единого пространства, например трансграничных регионов.

При характеристике геоэкономических границ как зон влияния и экономической власти следует учитывать, что они могут выполнять различные функции в процессе формирования и развития геоэкономического пространства. Например, с учетом геоэкономических и геофинансовых закономерностей развития современных государств можно выделить следующие критерии классификации границ:

- разграничение между сферами деятельности (переходы, контактные зоны; объемные барьеры);

- объемные конфигурации как вычленение объемных подпространств из глобального пространства (геофинансового, геоинформационного, геостратегического, геоэкономического и др.);

- трансграничность как структурное членение, связанное с понятием “размывания границ”, т. е. их изменчивости и способности к расширению в различных измерениях;

- соотнесенность границ, обусловленная интенсивностью геофинансов, способных преодолевать любые расстояния;
- разграничение наднациональных и национальных систем, проявляющееся в том числе в деятельности интернационализированных производственных систем.

Классификацию геоэкономических границ следует дополнить типами пространств-границ, фиксирующих определенные образы территорий:

- *фронтир* (от англ. frontier; букв. граница между освоенными поселенцами землями и неосвоенными) - понятие, обозначающее эпоху освоения свободных земель на Западе США (до 1890);
- *буфер* (от англ. buffer; букв. смягчать толчки) - в истории пространство между воюющими государствами, на котором не ведется военных действий;
- *лимитроф* (от лат. limes и греч. trophos - питающий, образующий) - промежуточное пространство, межцивилизационный пояс, окружающий Россию в Евразии, простирается от Северного Ледовитого до Тихого океана. Понятие предложено российскими учеными С. Хатунцовым и В. Цымбурским.

3.3. Геоэкономический полюс и геоэкономический центр сил

Могущество геоэкономических систем проистекает из способности субъектов геоэкономики создавать международные сети (торговые пути, каналы передачи информации или изображения), использовать их, извлекать из них прибыль. Могуществом обладает тот, кто занимает стратегическое положение в международной сети или в совокупности международных сетей и обладает талантом максимально использовать конкурентные преимущества. Если политическая и военная мощь позволяет навязать свою волю, угрожать и наносить удары, то геоэкономическая мощь позволяет добиваться решения проблем более мягкими средствами.

Мощь государства - совокупность военно-политической, экономической, демографической, природно-ресурсной и инновационной мощи государства. Включает численность вооруженных сил, наличие и количество ядерного и другого оружия. Важным фактором мощи государства остается большая территория, повышающая военную безопасность, наличие энергетических и других природных ресурсов, стратегическая транзитность, обеспечивающая создание международных транспортных коридоров.

Показателем геоэкономической мощи государства является экономический потенциал, который отражается в показателях валового национального продукта (ВВП), индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), численности населения, его покупательной способности и емкости внутреннего рынка потребления.

Сравнительный анализ этих потенциалов позволяет выявить **геоэкономический полюс силы**.

Сформулированный российским исследователем О. Ариным, публикующимся также под псевдонимом А. Бэттлер, **закон “полюса”** гласит: в геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс означает

определение субъекта, отличающегося от других субъектов превосходством своей экономической мощи над экономическим потенциалом вслед идущего государства как минимум в два раза.

Расчеты О. Арина за 2007 г., показывают, что в Западной Европе нет региональных полюсов, поскольку Германия с ВНД в 3,2 трлн долл. недостаточно опережает экономический потенциал идущей вслед за ней Англией, ВНД которой 2,8 трлн долл.

Аналогичная ситуация в Латинской Америке: там также нет региональных полюсов, поскольку ВНД Бразилии хотя и превышает ВНД Мексики, но не настолько, чтобы образовать полюс.

В Африке региональным полюсом является ЮАР (ВНД – 274 млрд долл.); за ней идет Нигерия (136 млрд долл.). На Ближнем и Среднем Востоке на статус регионального полюса претендует Турция (593 млрд долл.), хотя она и не дотягивает до полновесного статуса, поскольку идущая за ней Саудовская Аравия отстает от нее менее чем в два раза (374 млрд долл.). В Восточной Азии еще два года назад на статус регионального полюса претендовала Япония, почти в два раза опережающая ВНД КНР, то уже в 2007 г. она фактически лишилась такой возможности, поскольку благодаря более быстрым темпам развития китайской экономики Китай значительно уменьшил разрыв до соотношения 4,8 трлн и 3,1 трлн долл. В результате и Восточная Азия не имеет полюсов.

Что касается России, то единственное географическое пространство, где РФ может претендовать на место полюса, - это ареал СНГ, вторая по экономическому потенциалу страна - Украина - имела в 2007 г. ВНД всего лишь 119 млрд долл. Мировым, или глобальным, полюсом являются США с ВНД около 14 трлн долл., более чем в два раза опережающим идущую вслед за ними Японию.

Гегемония на международной арене определяется не только через полюсы, но и через геостратегические “центры силы”.

Центр силы - это субъект, имеющий возможность подчинить деятельность других субъектов или акторов международных отношений в соответствии с собственными национальными интересами.

В зависимости от сферы распространения контроля центр силы может быть локальным, региональным или глобальным.

Как показывают исследования российских ученых В. В. Лапкина и В. И. Пантина, для возникновения полноценного и устойчивого мирового центра политической и экономической силы необходим целый ряд природно-географических и социально-политических условий:

- достижение страной-системой политической целостности и реального политического и экономического суверенитета, с одной стороны, и формирование адекватной статусу “центра” системы мобилизации ресурсов, с другой стороны;
- развитие страны-системы как самовоспроизводящегося, динамичного политического и экономического образования с внутренними механизмами развития форм политической организации и смены технологических укладов, понуждающими страну к международной экономической и политической

экспансии, к утверждению себя в качестве не только региональной, но и мировой державы;

- наличие у страны-системы собственного опыта модернизации в той или иной форме;

- наличие у страны-системы своего антипода (“противоцентра”) и жесткой борьбы между ними за гегемонию как важнейшая структурная характеристика эволюции мировой политической системы;

- формирование каждой страной-системой определенной цивилизации (США, Россия, Япония, Китай) или ее ветви (например, англо-саксонской, романской или германской в случае Великобритании, Франции, Германии, принадлежащих к западноевропейской цивилизации). Каждый центр вместе с тем является также ведущим региональным лидером: например, США - политический и экономический лидер всего Западного полушария, Германия - лидер Центральной Европы, Россия доминирует почти на всем постсоветском пространстве, Япония остается ведущей державой Юго-Восточной Азии и т. п.

В соответствии с концепцией О. Арина геоэкономический полюс превращается в центр силы при условии проведения активной и агрессивной внешней политики, нацеленной на подчинение других акторов своим внешним и внутренним интересам.

Исходя из подобных рассуждений, сформулирован **закон “центра силы”**: превращение субъекта-полюса в центр силы предполагает наличие внешнеполитического потенциала (ВПП), объем которого должен превосходить внешнеполитический потенциал субъекта конкурента как минимум в 2 раза на региональном уровне и в 4 раза на глобальном. (Это связано с тем, что такой потенциал должен охватить 4 основных региона в мире: Европу, Восточную Азию, Латинскую Америку и Африку с Ближним и Средним Востоком).

Внешнеполитический потенциал (ВПП) - суммарный ресурс, затрачиваемый на внешнюю политику. Он складывается из финансовых потоков, закладываемых в бюджет страны и реализуемых через аппарат внешней политики (министерств иностранных дел, министерства обороны, информационно-пропагандистские службы, пограничная охрана, внешнеэкономические организации, службы внешней безопасности или разведки и т. д.). Такие расходы в национальных бюджетах зафиксированы в строках по направлению деятельности: “Международная деятельность”, “Национальная оборона”, “Содействие международному экономическому развитию”.

Расчеты О. Арина показывают, что в Западной Европе отсутствует центр силы, поскольку совокупный внешнеполитический потенциал каждой из основных держав этого субрегиона - миллиарды долларов. Японию по ВПП еще пять лет назад можно было оценивать как региональный центр силы (в 2000 г. она по этому индикатору превосходила КНР почти в 2 раза), однако этот статус фактически потерял к 2005 г. из-за недотягивания превосходства по ВПП в 2 раза. У США ВПП (без учета финансирования строки “Международное экономическое сотрудничество”) равен приблизительно 540 млрд долл., т. е. они превосходили идущую за ними Японию более чем в 10 раз. Следовательно, на глобальном

уровне сегодня существует один центр силы, и им являются США. ВПП России составляет лишь 14 млрд долл., что не позволяет претендовать ей на роль центра силы. Обращает на себя внимание то, что ВПП всех упомянутых стран значительно превосходят ВПП России. При этом ни одна из них не ставит себе задачу, по крайней мере на официальном уровне, стать великой державой. Россия же претендует на статус великой мировой державы, о чем напоминают руководители страны.

Рассматривая причины и последствия развития геополитических полюсов и центров силы, необходимо учитывать, что они существуют во многом благодаря воздействию геоэкономической и геополитической среды. Она создает условия для аккумуляции и мобилизации ресурсов и концентрации контролирующей эти ресурсы власти (например, резкие изменения направления и интенсивности ресурсных потоков или появление новых каналов политического влияния и взаимодействия). Поэтому соотношение центров и полюсов геоэкономических систем с окружающим миром, принимающее в том числе форму геоэкономического баланса, является одной из острейших проблем геоэкономики.

3.4. Геоэкономический баланс сил

Положение страны в геоэкономическом мире определяется тем, какое место она занимает на глобальном рынке, каким образом включена в систему мировых обменов.

Аналитическим инструментом, отражающим положение страны в геоэкономическом пространстве, мог бы выступить “геоэкономический баланс” расходов и доходов страны в глобальных обменах. Его главное назначение: показать, чем (каким типом ресурсов) страна расплачивается за свое технологическое и гуманитарное отставание, иначе говоря, как в стране формируется геоэкономическая “рента отсталости”. Понятие геоэкономического баланса введено российским исследователем, директором Фонда “Центр стратегических разработок “Северо-Запад” В. Княгининым.

В схеме геоэкономического баланса “углы”, образованные основными характеристиками баланса: национальным государством, валовым внутренним продуктом (ВВП), ресурсами и агрегированным потреблением, связаны попарно через диагонали, причем длина диагонали представима как “валюта баланса”. Рамки связаны процедурой перетекания (например, можно увеличить потребление за счет уменьшения ресурсов, что на рисунке изображено горизонтальной стрелкой). Таким образом, сдвигка любой из рамок приведет к перемещению всех остальных и, соответственно, к изменению величины баланса. Например, страна за счет изменения законодательства закончила год с профицитом внешнеторгового бюджета. Затем произойдет сдвиг всех четырех связанных между собой “рамок”, и балансное равновесие будет восстановлено, например, за счет выплаты страной ренты отсталости.

Однако отвечающий требованиям формирования и реализации геоэкономической стратегии страны геоэкономический баланс невозможно

составить на основе существующей системы статистики, сформировавшейся в эпоху национальной замкнутости государств и фиксирующей в основном движение товаров и финансов, так как она не способна учесть (в рамках единого счета) движение идей, культурных ценностей и человеческого капитала. Система национальных счетов, торговый и платежный баланс государства лишь отчасти фиксируют реальное положение страны в глобальном рынке. Поэтому простейшую схему геоэкономического баланса страны предлагается усложнить введением его агрегированных характеристик-соорганизованностей: агрегированной соорганизованности субъектов экономики, агрегированного производства, агрегированных ресурсов, агрегированного потребления.

Рассмотрим сдвиг рамок схемы на частом примере. Пусть государственным законом задан быстрый рост ВВП. Если при этом страна ограничивает потребление, возникает острый кризис перепроизводства, завершающийся полным социальным коллапсом. Если же потребление, следуя “естественным экономическим законам”, будет расти быстрее ВВП, возникнет острый дефицит ресурсов, т. е. сдвиг геоэкономического баланса. Тем самым сдвинется также рамка соорганизованностей, например, в форме изменения статуса страны из-за изменения статуса элит.

В результате геоэкономический баланс страны восстанавливается за счет ренты отсталости или ренты развития. Таким образом, геоэкономический баланс определяет степень включенности страны в мировую экономику.

Анализ обобщенной модели геоэкономического баланса позволяет сделать два основных вывода:

1. В условиях замкнутой системы ее геоэкономический баланс, включающий агрегированные производство, потребление, соорганизованности, остается неизменным (первая теорема о геоэкономическом балансе).

2. В условиях открытой системы геоэкономический потенциал изменяется, как правило, очень медленно, за счет возникновения новых ресурсов (вторая теорема о геоэкономическом балансе).

Таким образом, **геоэкономический баланс** выстраивается как попарное соответствие агрегированного потребления и агрегированного производства, с одной стороны, агрегированной капитализации и агрегированных ресурсов - с другой, причем “сдвигка” любого параметра с необходимостью меняет и все остальные. Из этого утверждения можно вывести два важных следствия:

Во-первых, глобализация представляет собой процесс, усиливающий описанное еще К. Марксом противоречие между трудом и капиталом, “размещая” весь труд в одном секторе земного шара, а весь капитал - в другом. Подобная ситуация требует четкого выполнения всех правил и законов обмена. В противном случае неминуем кризис. Например, одновременный отказ Китая, Малайзии, Кореи и Таиланда поставлять бытовую электронику на рынки Европы и США вызовет ощутимый кризис потребления в странах с “перекапитализированной” экономикой.

Во-вторых, никакие социальные и экономические программы, направленные на “выравнивание регионов”, не будут иметь успеха. Пока работает обобщенный

принцип капитализации, инвестиции, направленные в “депрессивные” области, тем или иным способом (в том числе в рамках теневой экономики) перетекут в области с растущей капитализацией. Этот процесс наблюдается в отношениях между Москвой и регионами РФ.

Анализ моделей геоэкономического баланса позволяет сформулировать также его содержание как баланса между деятельностью и капитализацией, согласно которому все формы капитала, включая человеческий и социальный, перемещаются в области с наибольшей капитализацией; все формы деятельности перемещаются в области с наименьшей капитализацией.

Ярким проявлением геоэкономического баланса является баланс между инновационными и так называемыми традиционными областями экономики. Инновационная деятельность носит амбивалентный характер: с одной стороны, она уменьшает капитализацию территории, обесценивая основные производственные фонды, с другой - повышает ее, увеличивая стоимость оборотных фондов и человеческого капитала. То есть, меняя соотношение между инновационными и “привычными” способами хозяйствования, можно управлять капитализацией территории, поддерживая на приемлемом уровне ее инвестиционный и производственный потенциалы.

Необходимость управления геоэкономическим балансом страны в целях обеспечения ее национальной безопасности отражена в так называемом **золотом правиле теории “геоэкономического баланса”**, в соответствии с которым необходимо восстановление равновесия положения страны в системе глобальных обменов. Например, страна, интегрированная в пространство геоэкономики, имея дефицит торгового баланса, с неизбежностью должна покрывать его своими валютными запасами и иным имуществом, иначе она будет уплачивать “ренту отсталости”, расставаясь с природными ценностями - населением, как правило, лучшей (наиболее мобильной, квалифицированной) его частью, и территорией.

Тема 4. Геоэкономический атлас как инструмент стратегического оперирования

Программная аннотация

- 4.1. Проблемы создания и функциональное назначение геоэкономического атласа.
- 4.2. Структура геоэкономического атласа.
- 4.3. Возможности и ограничения модели геоэкономического атласа

4.1. Проблемы создания и функциональное назначение геоэкономического атласа

Активное развитие процесса глобализации привело к значительным изменениям на экономической карте мира, не совпадающей с политической и отражающей контуры интересов геоэкономических субъектов, а также зоны их

реального внешнеэкономического действия. Коренное изменение ситуации с открытием внешнеторговых границ многих государств увеличило их потребность во внешнеэкономической информации для принятия эффективных управленческих решений.

Возникла такая проблема и перед Россией. Ее разрешение предложено Э. Кочетовым на основе создания **геоэкономического атласа** - многоуровневой высокоподвижной межгосударственной системы, позволяющей на основе обладания передовыми интеллектуальными, информационными и коммуникационными возможностями быстро адаптироваться к ее требованиям и изменениям, а также интегрироваться в нее. Геоэкономический атлас предлагается рассматривать в качестве интерпретации глобального пространства в объемной форме, удобной для стратегического оперирования, принятия стратегических решений. Отражаемое атласом геоэкономическое пространство представляется как совокупность линейных срезов входящих в него функциональных подпространств: геологистическое, геоинформационное, геофинансовое, геостратегическое и др. Иными словами, каждое поле экономической деятельности предлагалось обособить в отдельную модель, а затем наладить взаимодействие между ними на основе специального программного обеспечения. Таким образом, достигается комплексность охвата, а полученная объемная интерпретация в результате синергетического взаимодействия слоев - суть геоэкономическое пространство.

Учитывая значимость такого атласа для разработки стратегических решений, российские ученые предлагают разрабатывать как национальный геоэкономический атлас мира, так и локальный геоэкономический атлас. При этом *национальный геоэкономический атлас* характеризуется как геоэкономический атлас, имеющий национальный характер, формируемый конкретной страной, с нанесенными на нем национальными стратегическими устремлениями, зонами влияния, геоэкономическими плацдармами, опорными зонами и др. *Локальный геоэкономический атлас* - национальный атлас, преломленный к региону, имеющий локальный характер, отображающий локальные экономические границы, интересы, геоэкономические зоны и точки роста ИВЯ, а также раскрывающий направления “активного” и “пассивного” движения производственных, финансовых, сырьевых, интеллектуальных, трудовых, информационно-культурных и других ресурсов данного локального субъекта, фиксирующий уровень реального геоэкономического взаимодействия с другими субъектами мировой экономики.

Таким образом, геоэкономический атлас представляет собой многослойную объемную композицию - своеобразное информационное поле, на котором функционируют национальные экономики со своими интересами, контурами стратегических альянсов, системой интеграционных подвижек, экономических группировок. В нем преломляются финансово-кредитная, организационно-функциональная, информационная, инновационная и иные структуры мировой экономики. Поэтому переход к геоэкономической стратегии с использованием мирового геоэкономического атласа сопровождается переходом от оперирования

только геополитическими категориями как пережитка монопольного внешнеполитического влияния на внешнеэкономическую стратегию национальных экономик, сдерживающего развитие геоэкономического мышления, формирование новейших внешнеэкономических доктрин. В результате национальные интересы получают реальное (материальное) воплощение, “привязку к местности”.

Создание геоэкономического атласа, по мнению Э. Кочетова, основывается на трех ключевых моментах:

- в атласе должна быть дана широкая панорама глобальных процессов различных сфер современного мирового пространства;
- методология атласа должна базироваться на выработке национальной долговременной стратегии взаимодействия с внешним миром;
- атлас должен иметь электронную версию, которая является наиболее удобной интерпретацией геоэкономического пространства.

В современных условиях открытый информационный массив обеспечивает определенную степень прозрачности в деятельности государственных служащих: практически подобная база данных является эталоном компетентности для государственного служащего и своеобразным ограничителем в произвольности принятия им решений.

Следует учитывать и то, что информация становится ключом к поиску стратегического партнерства, в рамках которого возможна реализация инновационных стратегий, обеспечивающих успех в переделе мирового дохода. В настоящее время существуют различные подходы к информационному наполнению геоэкономического атласа.

Создание компьютерной версии геоэкономического атласа является задачей стратегической важности для обеспечения повышения эффективности как принятия политических решений органами государственной власти, так и внешнеэкономической деятельности отечественных предпринимателей и работы на внутреннем рынке из-за чрезмерной открытости отечественной экономики.

Поэтому решение задачи создания геоэкономического атласа должно опираться на достоверную информационную базу, на выработанные методики ситуационного стратегического комбинирования данных, на постановку и решение различных стратегических задач, разработку типовых ситуационных стратегических вариантов (комбинаций), формирование высоких геоэкономических технологий.

По мнению Э. Кочетова, чтобы осознать и воспринять глобализирующийся мир в его целостности, требуются совершенно новые методологические подходы, которые помогут охватить единым взглядом систему огромной сложности и масштаба. Такой подход основывается на логистической интерпретации глобального мира, т. е. геологистике.

Геологистика есть философия адаптивного выживания сложных систем; это отрасль междисциплинарного гуманитарного знания о функционировании отдельных элементов (блоков, подсистем), которые взаимодействуют между собой и определяют целостность, единство гетерогенных сложных систем.

Геологистика характеризуется следующими особенностями:

- ее элементами являются геоэкономическая, геофинансовая, геополитическая, военно_стратегическая, геоинформационная логистики, а также мировые природоохранная и культурологическая логистические системы;
- основой логистической системы является функциональное переплетение всех выделенных элементов, предопределяющее единство содержания (логику мирового развития и его центральную - геоэкономическую - парадигму) и формы (институциональное оформление глобального мира).

Структура логистической системы обеспечивает внутреннюю упорядоченность и организованность геологистики как системы. Степень организованности и упорядоченности повышается по мере увеличения согласованного взаимодействия отдельных ее элементов. Потенциал системы хорошо организованных элементов выше, чем суммарный потенциал отдельных элементов. Структурированная информация преобразуется в стандарты, технологии, процедуры или инструкции. Использование такой информации для регулярных операций хозяйственной деятельности обеспечивает снижение энтропии. При этом возникает синергетический эффект за счет высокой взаимосогласованности и организованности действий отдельных элементов геологистики. Потенциал, освобождаемый в результате разрешения противоречий в экономической системе, оказывается возможным использовать для решения стратегических задач.

Проблемы технологий создания геоэкономического атласа рассматриваются разными исследователями. Например, кандидат экономических наук, заместитель начальника управления стратегического маркетинга АКБ “Московский Банк Реконструкции и Развития” В. Кутыин исследует сферы геоэкономического пространства с применением самоорганизующихся карт (SOM - self_organizing map), предложенных финским ученым Тойво Кохоненом в 1982 г. и предназначенных для визуального представления многомерных свойств объектов на двумерной карте. Этот метод является универсальным многофункциональным инструментом анализа, способным предоставить достаточно четкую картину рассматриваемого объекта. Его применение позволяет редуцировать количество сопоставляемых объектов, т.е. анализировать не отдельные хозяйствующие субъекты, сопоставляя их друг с другом по отдельности, а их группы (кластеры), объединенные на основании схожести признаков, которые могут отображаться на картах в виде гибких сетей, реагирующих на изменение любого признака объекта.

Другой подход к созданию геоэкономического атласа рассматривается в проекте SAR (“Синтез альтернативных решений”), разрабатываемом группой ученых под руководством доктора технических наук, ведущего научного сотрудника Института системного анализа Российской академии наук Э. Григорьева. SAR представляет собой инструмент для выработки целостных решений в трудно формализуемых ситуациях и позволяет рассматривать любые идеи и концепции (в том числе по глобальным проблемам) в непосредственно умозрительном, целостном виде. Существуют и другие предложения, однако

вопрос создания адекватного инструментария оперирования в мировом экономическом пространстве до сих пор остается открытым.

4.2. Структура геоэкономического атласа

Идея геоэкономического атласа мира, общие его теоретические контуры, его описания были предложены Э. Кочетовым. В дальнейшем эта идея стала широко использоваться в работах известных российских исследователей: Ю. В. Яковца, А. И. Неклессы, Э. П. Григорьева, В. В. Соколова, А. И. Владимирова и др.

В настоящее время структура геоэкономического атласа как интерпретации глобального пространства рассматривается Э. Кочетовым в двух направлениях:

- объемная интерпретация глобального пространства;
- “расчленение” его на геоэкономические “страницы”.

Рассмотри особенности этих подходов.

Исходной основой объемной интерпретации геоэкономического атласа служит методологическая посылка, связанная с объемным членением глобального пространства на ряд подпространств, которые занимают в его иерархической структуре то или иное конкретное положение на различных отрезках исторического развития. Господствующим подпространством в преддверии XXI в. выступало геоэкономическое, которое оттеснило на вторые роли пространства геополитическое и военно-стратегическое. Геоэкономическое пространство, в свою очередь, членится на три разновидности-системы; товарно-стоимостная, организационно-экономическая, договорная, которые представляют своего рода “объемные поля” геоэкономического атласа.

Глобальный экономический договор (меморандум) - система договоренности на различных уровнях мирохозяйственного общения.

Такая объемная интерпретация геоэкономического атласа, по мнению Э. Кочетова, позволяет решать различные стратегические задачи, проигрывая отдельные ситуационные комбинации и учитывая изменение геоэкономических интересов. Кроме того, подобное отображение геоэкономического пространства открывает путь к следующим принципиальным шагам: математическому описанию - аппроксимации, разработке методик и т. д.

Второй подход к интерпретации глобального пространства связан с рассмотрением постраничной структуры геоэкономического атласа. Каждая страница представляет собой предметный “срез” геоэкономического пространства, отражающий основные сферы и уровни мировой системы (экономико-финансовые, организационно-стратегические, цивилизационные и т. п.). Охарактеризуем особенности каждой из страниц.

1. *Политическая страница* является центральной, базовой “страницей” геоэкономического атласа, на карте которой структура мира обозначена с помощью государственно-административных границ. На ней разворачивается широчайшая панорама территориально-географических комбинаций, стратегических альянсов, интеграционных группировок, представляющих собой объединение тех или иных государств, экономик с различными социально-

экономическими укладами, предопределяемыми национальными границами, устремлениями государств к стратегическому господству в культурном, духовно-нравственном или этническом плане - и все это при условии сохранения государственных конфигураций. Политическая карта мира - это то поле, где просматриваются реальные и гипотетические оси, центры силы, полюсы и т.п. и оттачиваются приемы ведения “горячих” и “холодных” войн.

2. *Организационно-экономическая страница* отражает изменения на политической карте мира, связанные с развитием межфирменного (межанклавного) разделения труда. На этой странице геоэкономического атласа обозначаются границы взаимодействия ИВЯ, ареалы функционирования стран_систем. На геоэкономическом атласе мира просматриваются новые маршруты гигантских мировых воспроизводственных “конвейеров”, а также зоны, которые остаются вне рамок транснациональной деятельности. К движению этих мировых воспроизводственнотехнологических образований присоединяются производственно_территориальные комплексы, образуемые благодаря сотрудничеству сопредельных территорий различных государств.

3. *Региональная страница*. В геоэкономическом плане важно:

- отразить транснационализированное пространство, ареалы деятельности международных неправительственных организаций, финансовых и банковских центров и сетей;
- исследовать и передать на странице свойства транснационального пространства;
- показать районы производства высокотехнологичных изделий;
- рассмотреть ресурсно-сырьевую специализацию регионов;
- показать совокупность государств, выпадающих из геоэкономического пространства в силу своей значительной отсталости. Подобные страны получили в мировой лексике наименование “стран-париев”.

4. *Культурно-географическая страница* отражает развитие геокультурного пространства. Структурные границы, разделяющие это пространство, формируют особые образования – культурно-географические: на карте мира под влиянием культурных явлений сформировались “ядровые платформы” цивилизаций, на стыках которых находятся промежуточные пространства - лимитрофы, играющие особую роль, позволяющие осмыслить и сами геокультурные цивилизационные популяции.

Культурно_географическая картина мира оказывает существенное влияние на формирование геоэкономического климата и должна быть особо учтена при принятии тех или иных стратегических долговременных решений.

5. *Этноэкономическая страница* характерна тем, что наней отражены ареалы этноэкономических (этнонациональных) систем, изначально сопротивляющихся постиндустриальной трансформации и сохраняющих ценности, отличные от западных ценностей постиндустриализма. Под воздействием этнонациональных систем протекает воспроизводство не только товарной массы и услуг, но и на индустриально-технологической основе осуществляется воспроизводство качества жизни (воспроизводство жизненной среды) при сохранении ее самобытности.

Значимость вычленения подобных ареалов состоит в том, что они играют определяющую роль в формировании зон гармонизации междивизиационного развития и выступают в качестве расширяющихся очагов глобальной стабилизации.

Этноэкономическая система - новейшая экономическая популяция, выстраиваемая в мировой системе на базе этноэкономики в процессе транснационализации ИВЯ.

6. К настоящему времени сложились три основных полюса развития этнонациональных систем: первый - развитая постиндустриальная система (например, Южная Корея, КНР);

второй - зона “застывшей” этноэкономики (Ирак); третий - промежуточный анклав как переход от постиндустриализма к неοэкономике (Япония).

7. *Геофинансовая страница* характеризует развитие системы международных финансовых институтов, оперирующих мировым доходом. Оторвавшись от промышленного капитала, капитал финансовый создает основу для проведения спекулятивных операций глобального масштаба и тем самым вызывает такие локальные деформации, которые не поддаются исправлению с помощью традиционных средств международного регулирования. Человечеству еще предстоит выработать набор геοэкономических приемов, позволяющих прогнозировать поведение этих потоков, ставить их в определенные международные рамки, увязанные с интересами устойчивого функционирования глобальной воспроизводственной системы.

8. *Военно-стратегическая страница* исходит из того, что национальные экономики закрепляют свои национальные интересы на экономических границах, не совпадающих с межгосударственными, и что носителями этих интересов выступают транснациональные структуры. На военно-стратегической странице геοэкономического атласа это проявляется в том, что по фарватеру продвижения интернационализированного воспроизводственного ядра “продвигаются” и военные структуры (базы, опорные пункты сил быстрого реагирования, военные структуры по контролю за стратегическими коммуникациями, портовыми сооружениями, терминалами, магистральными развязками, системой газо- и нефтепроводов и т. п.).

Военный компонент в геοэкономическом пространстве может играть вполне самостоятельную геοэкономическую роль, “нависая” над определенными ареалами, на которые направлены национальные геοэкономические интересы, и в этом плане просматривается преємственность его геополитических функций. Примером этого может служить продвижение НАТО на Восток. Такая же ситуация наблюдается и в Азиатско-Тихοοкеанском регионе (АТР), где постиндустриальные анклавы (новейшие техногенные зоны геοэкономического пространства в лице малых индустриальных “азиатских тигров”), выходя на восточноазиатский фланг, увлекают за собой и военный компонент, который неминуемо здесь присутствует и сопротивляется противодействию местных геοэкономических интересов.

9. *Товарно-стоимостная страница* отражает состояние национальных экономик, уже имеющих огромный опыт функционирования в транснационализированном пространстве посредством экспортно-импортных операций на основе различных форм разделения труда: межфирменного (межфирменного), международного (межнационального), общего, частного, единичного, технологического и т. д. Здесь мировой рынок выступает в сложном “многоэтажном” (многоуровневом) варианте. С точки зрения геоэкономического подхода мировой рынок в целом можно представить как динамическую систему взаимосвязанных единичных товарных рынков. Эта система погружена в соответствующую рыночную среду, формируемую особыми рынками (рынок кредитных денег, валютный рынок, рынок недвижимости, рабочей силы и т. д.). В эту среду погружены целые цепочки, в качестве звеньев которых, довольно жестко сцепленных между собой, выступают единичные рынки. В свою очередь, в этих цепочках присутствуют основные рынки, формирующие их конъюнктуру; они являются источником тех ценовых импульсов, которые пробегают по этим гигантским цепочкам. В совокупности эти цепи формируют ценовую кристаллическую решетку мировых рынков. Здесь просматриваются скорость распространения ценовых импульсов, зоны их распространения, сопротивление рыночных цепочек и т. д.; здесь же просчитывается реакция контрактных цен на ситуацию на рынках (финансовом, валютном и т. д.) “среды”.

10. *Договорная страница* должна показывать сформировавшийся наднациональный слой организационных структур, потоков, уровней и т. п. Это система глобальных нормативно-правовых актов, которые в определенной степени опосредствуют все слои геоэкономического атласа и в целом представляют собой глобальную договоренность, меморандум. Поведение в национальных рамках значительно отличается от поведения вне их, т. е. в глобальном пространстве. И по мере становления государств как глобальных предпринимателей процесс глобального правового регулирования играет все большую роль. Здесь можно выделить два аспекта:

- государственное регулирование внешнеэкономической деятельности предпринимателей (в том числе в целях их защиты);
- международное регулирование ТНК.

Сегодня сильно ощущается неэффективность действующего набора международных институтов и многих международных правовых норм, которые не обслуживали геоэкономические аспекты развития, а были рождены в геополитической системе координат и являются нормами, несущими на себе отпечаток “холодной войны”. Поэтому возникла острая необходимость формирования новой группы международных (геоэкономических) организаций и глубокой реформы многих из уже существующих, в том числе таких, как ООН, МВФ, МБРР и т. д., и т. п.

Остро встает вопрос о создании геоэкономического трибунала, который мог бы встать на защиту от геоэкономического нападения, обеспечил бы жертвам геоэкономических войн возмещение ущерба через геоэкономические контрибуции.

Геоэкономический трибунал - международная судебная коллегия, осуществляющая свою функцию путем рассмотрения дел о геоэкономической агрессии. Подобная международная структура должна войти в систему международных организаций в связи с переориентацией мировой политики на геоэкономические приоритеты.

11. *Ресурсная (сырьевая) страница* должна показывать контуры задействованных, вплетенных в глобальные воспроизводственные процессы источников сырья, энергии, людских и других ресурсов. Наряду с этим на экономической карте должны просматриваться ареалы разведанных запасов полезных ископаемых, а также ресурсы биологического происхождения.

Формирование ресурсной “страницы” геоэкономического атласа дает возможность выхода на новые концептуальные подходы в области горного права, в разработке международно-правовых норм, по-новому определяющих роль и место национальной ресурсной базы в функционировании как действующих, так и зарождающихся интернационализированных воспроизводственных ядер, устанавливает оптимум в отношениях национальной сырьевой базы к формированию и распределению мирового дохода. При этом речь должна идти не только о ресурсной базе, основанной на традиционных (инертных) ресурсных статьях; особую значимость приобретает корректное правовое регулирование по своей сути изначально интернационализированных компонентов, например относящихся к уникальной редкоземельной группе элементов (лантаниды), которые становятся катализаторами высоких технологий, предопределяют прорывы в XXI в.

12. *Экологическая страница* должна позволять предвидеть зарождение очагов экологических бедствий, включая экологический компонент в национальные доктрины развития. Ареалы таких зон должны быть нанесены на хозяйственной карте мира, и эта страница геоэкономического атласа должна играть свою роль при принятии долговременных стратегических решений.

Итак, геоэкономический атлас мира предстает как концептуально_логистически обобщенная модель глобального мира, позволяющая охватить и анализировать в реальном времени всю подвижную картину мирового рынка. Принятие стратегических решений с использованием геоэкономического атласа предполагает “векторное пронизывание” (наложение) “страниц”, что дает возможность комплексного оперирования в геоэкономической системе, а значит, проведения активной, наступательной внешнеэкономической стратегии, отличающейся от пассивной, торгово-посреднической доктрины и стратегии, предопределяемой выжиданием благоприятной конъюнктуры.

4.3. Возможности и ограничения модели геоэкономического атласа

Идея создания и использования геоэкономического атласа мира является одной из дискуссионных проблем российской геоэкономики. Среди обсуждаемых

вопросов можно выделить два ключевых, связанных с достоинствами и недостатками предложенной Э. Кочетовым модели. Ее главным достоинством, как правило, называют эффективный синтез усилий разных дисциплин для решения сложнейших социальных и экономических проблем на базе применения компьютерной технологии. Эта технология является одним из величайших достижений человечества XX в., и значение ее “вторжения” в современные массивы разрозненных гуманитарных знаний трудно переоценить.

Достоинства атласа тесно связаны с его недостатками, так как возникающий при таком синергетическом подходе перенос закономерностей неживой природы на мировое экономическое сообщество - сложнейшую систему, где причудливо переплетаются экономические, политические, идеологические, демографические, экологические и другие факторы, признается оправданным.

Вопрос о достоинствах и недостатках модели геоэкономического атласа определяет направления анализа ее возможностей и ограничений. В ходе многочисленных дискуссий признано, что в современных условиях геоэкономический атлас мира становится центральным средством геоэкономической стратегии. Поэтому создание геоэкономического атласа – актуальная задача для любой национальной экономики, залог успешной реализации стратегических целей, национальных интересов.

Этот атлас позволит количественно оценить показатели и индикаторы развития в связи с переходом на новую модель развития. Используя его, национальная экономика реализует свои стратегические цели, имея представление о четко очерченных международных и экономических границах, национальных интересах, контурах стратегических альянсов, экономических группировок и т. п. Использование геоэкономического атласа требует выработки активной, наступательной стратегии и соответствующих приемов; в частности, геоэкономический атлас мира позволяет осуществить прорыв к мировому доходу путем подключения к интернационализированным воспроизводственным ядрам. Особый интерес ученых и политиков вызывает постраничная структура атласа. В проводимых дискуссиях отмечается, например, что “страницы” не подменяют собой существующие электронные системы, призванные фиксировать статус-кво отдельных областей экономики и политики. Они не дублируют информационных технологий, которые обеспечивают мониторинг состояния дел в различных сферах бытия мирового социума. Назначение “страниц” - вскрывать глубинные пласты проблем, которые не лежат на поверхности в виде накапливаемых баз данных и баз знаний. Однако “страницы” аккумулируют все достоинства кибернетической “виртуальной реальности”, включая объемную (может быть, и стереоскопическую) графику, а также возможность вызывать на планшет пользователя обычные прикладные программы для производства анализа и расчетов.

Очень продуктивным считается сопоставление страниц карт друг с другом, их наложение, выявляющее аномальные расхождения между ними. Действительно, если, например, положить на компьютерную географическую карту уровни образования населения разных регионов и районов Европы, то

получится причудливый “рельеф местности”, понижающийся на восток, с “вершинами” у промышленных центров. Если же затем наложить на нее такую же карту “изобар” ассигнований на образование, то со всей очевидностью обнаружатся “многоцветные узлы” несоответствия между ними и возникнет необходимость объяснений, дальнейшего наложения карт состояния и характера занятости, криминогенности местностей, состояния семей и т. д.

Очевидно, что геоэкономический атлас может стать средством принятия стратегических решений российскими стратегами только при условии его оснащения необходимым новым теоретическим и методическим инструментарием - оригинальными компьютерными моделями и технологиями, не имеющими аналогов за рубежом. Важно подчеркнуть, что для создания такого атласа в настоящее время имеется необходимая научная база. На рынке компьютерной информации сегодня уже имеется “Encarta World Atlas”, сделанный Майкрософтом еще в 1998 г. Однако он дает лишь географическую, тектоническую и политическую картины мира. Не меньшую известность получил и проект В. В. Леонтьева по прогнозу мировой экономики в рамках ООН. Судя по косвенным показателям, глобальные модели подобного типа широко используются для консультаций при принятии решений в государственных учреждениях, научно-прикладных институтах (типа РАНД Корпорейшн) и крупнейших ТНК.

В СССР опыты глобального моделирования велись в системе АН СССР. На их основе в середине 1990-х гг. развернулись работы по созданию целостной системы ГИС ОГВ (геоинформационных систем для органов государственной власти). В это же время геоинформатика и прикладные ГИС проникли практически во все виды деятельности, были созданы оригинальные пакеты, например Geograph/Geodraw (ИГ РАН), которые уже имеют несколько тысяч инсталляций и работают в геологии, строительстве, городском хозяйстве, на транспорте, в военном деле и т. д. Получила развитие и сама идея геоэкономического атласа.

Основой создания такого атласа стала технология самоорганизующихся карт, благодаря которой была обобщена информация по 2000 крупнейшим компаниям мира по версии журнала Forbes. Полученные данные были преобразованы в шестимерное пространство, которое карта распределила на 6 экономических кластеров - стратегических групп мировой экономики. В 2005 г. в России на базе ЦСР “Северо-Запад” был осуществлен уникальный проект создания геоэкономического энергетического атласа, результаты которого дают представление о глобальных рынках четырех стратегических энергоносителей - угля, нефти, газа и урана, а также общей ситуации в мировом энергетическом комплексе.

В основу исследования положена уникальная база данных по ресурсам, добыче, потреблению, импорту и экспорту основных стратегических энергоресурсов и электроэнергии. Структура полученного атласа включает 294 карты, характеризующие видение экспертами основных тенденций мировой энергетики в среднесрочной (до 2030 г.) и долгосрочной (до 2050 г.)

перспективах, на основе которого были сформулированы основные выводы и рекомендации проекта, связанные с переходом России в рамках инновационного прорыва к энергосберегающим технологиям, водородной энергетике, новым способам добычи и переработки традиционного сырья.

Одним из серьезнейших недостатков современной модели геоэкономического атласа исследователи считают недостаточную проработку вопросов регионального развития. Поэтому геоэкономическая регионализация мира, базирующаяся на различных принципах и функциях территорий в экономике или политике, в настоящее время получает значение самостоятельной проблемы.

Тема 5. Геоэкономические аспекты регионализма

Программная аннотация

- 5.1. Основные подходы к определению регионализма
- 5.2. Модель глобального мироустройства
- 5.3. Прогнозы развития геоэкономических регионов
- 5.4. “Российский проект” в геоэкономике

5.1. Основные подходы к определению регионализма

Геоэкономический подход в системе знаний о развитии глобального мира подразумевает пересмотр многих традиционных геополитических проблем. Среди них особое значение имеет регионализм, сущность которого рассматривается в различных аспектах

В действительности различные типы регионализма одновременно и конкурируют, и взаимно дополняют друг друга, формируя при определенном соотношении сил два фактора, в той или иной степени препятствующих развитию глобализации. Первый *интегративный*, или *ассоциативный*, регионализм представляет собой тенденцию объединения соседних территорий по экономическим, культурным, политическим или военным соображениям. При этом создание интегрированных образований может осуществляться по параллелям (между странами с одинаковым уровнем развития) или по меридианам - когда богатый регион объединяется с развивающимся. Позывы к региональной интеграции являются составной частью общемировой тенденции создания наднациональных политических институтов, интеграции национальных рынков и стирания торговых барьеров. Второй - *диссоциативный* регионализм тесно соприкасается с такими понятиями, как децентрализация, территориальная идентичность, локализм, региональная автономия и проч.

Таким образом, регионализм становится важнейшим фактором внутренней и внешней политики, обусловленным возрастанием роли функций места и

социального времени в условиях глобализации. В рамках такого понимания регионализм следует рассматривать как деятельность регионов, направленную на расширение их прав, практическое использование возможностей и преимуществ, вытекающих из территориального деления современного общества, на оптимизацию условий для более рационального перераспределения полномочий и ресурсов региона.

Геоэкономический подход к регионализму основывается на новом качестве процессов общественного развития, при котором объединение территорий связано не с территориальным принципом, а с межконтинентальным разделением труда с учетом конкурентных преимуществ и недостатков. В результате происходит формирование новой системы мирового хозяйствования, в рамках которой складывается несколько социально-экономических ареалов, возникающих на основе структурообразующих алгоритмов построения хозяйственной практики и фундаментальных конкурентных преимуществ, реализуемых в системе мирового разделения труда и, как следствие, обладающих собственной системой политических и экономических приоритетов.

Основой формирования такой системы становится **геоэкономический регионализм**, представляющий членение геоэкономического пространства в зависимости от сложившейся специализации тех или иных регионов мира на определенных видах деятельности.

Критерии такого деления могут быть различны. В конце XX в. идея геоэкономического регионализма тесно связывалась с развитием региональных экономических организаций (зон свободной торговли, таможенных союзов и т. д.). В качестве примера можно привести европейское строительство, начатое в 1950-х годах; Североамериканскую ассоциацию свободной торговли, включающую США, Канаду и Мексику; МЕРКОСУР, куда вошли Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай и др. Развитие идей геоэкономического пространства привело к формированию понятия геоэкономического региона, анализу которого посвящены многочисленные работы А. Неклессы. Согласно его позиции **геоэкономические регионы** - это специализированные сегменты: самобытные большие пространства, мозаика которых объединена культурно-историческими кодами, стилем хозяйственной деятельности, социально-экономическими замыслами и стратегическим целеполаганием. Их границы заметно отличаются от четких линий административно-государственных разграничений, проявляясь в "ползучем суверенитете множества зон национальных интересов и региональной безопасности". В отличие от геополитических регионов геоэкономические регионы имеют надтерриториальный характер, поэтому геополитический и геоэкономический модули пространства не совпадают: "экономика меняет внутреннее содержание, ей тесно в рамках прежних смысловых конструкций. Она начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом: как политика и даже идеология наступающей эпохи, становясь, по сути, новой властной системой координат... В результате

привычные геополитические императивы почтительно уступают место реалиям геоэкономическим”.

Происходящие изменения фиксируют и цели государств, которые уже не связываются с завоеванием территорий или с прямым подчинением экономического пространства противника. Наступательная стратегия лидеров глобализации нацелена на навязывание партнерам своих геоэкономических интересов и приоритетов на мировой арене. Геоэкономическая конкуренция между государствами и регионами, принимающая различные формы геоэкономических войн и прикрываемая лозунгами регионализма, приводит к столкновению стилей и форм хозяйствования этноэкономических систем, обострению отношений между региональными сообществами, перегруппировке полюсов и центров силы разных уровней.

В результате всех этих действий происходят подвижки в глобальном мироустройстве, замена прежней национально-государственной модели иерархичной конструкцией геоэкономических регионов.

5.2. Модель глобального мироустройства

В соответствии концепцией А. Неклесса модель нового мироустройства, получившая название **Rax Economica**, является переходной и характеризуется существованием двух разных поколений властных субъектов: региональных сверхдержав и формирующихся геоэкономических регионов как сообществ-интегралов. Эту модель называют также гексагональной (шестигранной), ибо в ее состав входят четыре *макрорегиона*: североатлантический (Запад), тихоокеанский (Новый Восток), евразийский (постсоветский мир) и южный, расположенный в основном в районе индоокеанской дуги, и два нарождающихся *транснациональных метарегиона*, которые выходят за пределы чисто географической привязки (виртуальный континент Новый Север со своим финансовым фантомом квазиСевером и зараженный вирусом криминальной глобализации Глубокий Юг).

С той или иной мерой эффективности именно штабная экономика сейчас определяет действующие на планете правила игры, регулирует контекст экономических операций, взимая, таким образом, с мировой экономики геоэкономическую ренту.

Примерами здесь могут являться такие глобальные технологии, как использование мировой резервной валюты (доллара) или управление глобальным долгом.

Специфическими членами Нового Севера являются Международные неправительственные организации “Давосская культура”, ТНК, транснациональные банки, ВТО, Лондонский и Парижский клубы, ООН, система глобальной биржи и др. Таким образом, Новый Север - это растущий метарегион, все еще имеющий определенную географическую привязку, системный центр, однако по самой своей специфике, сути и характеру деятельности он - транснационален.

“Второй этаж” мировой геоэкономической конструкции занимает высокотехнологическое производство, сконцентрированное преимущественно на *Zanade* и дающее огромные доходы в результате своего тиражирования - отчасти в процессе экспорта капитала - в других регионах планеты. Достаточно показателен в этом плане факт продвижения НАТО на Восток, дающего шанс испытывающей серьезные затруднения высокотехнологической промышленности североатлантических государств обеспечить себя заказами на сумму по разным подсчетам от 100 до 250 млрд долл.

“Третий этаж” отведен для традиционной промышленной экономики *Нового Востока*. Этот регион, в каком-то смысле пришедший на смену коммунистической цивилизации, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум, расположен на территории Большого тихоокеанского кольца (включающего и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан - Латинская Америка).

Новый Восток превращается в мирового производителя товаров - второе промышленное пространство планеты. При этом в отношении невысокотехнологичного производства постепенно начинают действовать практически те же “ножницы цен”, что функционировали прежде лишь в отношении сырьевой экономики.

В самом низу геоэкономической пирамиды оказываются субъекты, производящие сырьевые ресурсы, цены на которые в целом снижаются. Это главным образом специфика мусульманских стран *Юга*.

Юг (Индоевразийская дуга):

Большой Китай — КНР, Тайвань и Сингапур;

АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;

АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество

В переходном положении находится постсоветский мир - евразийский геоэкономический регион, существующий пока в рамках “трофейной” и теневой паразитической экономики.

Гипер-Север (русский мир) - это удивительный хозяйственный континент, парадоксальным образом соединяющий в себе структурные черты, как сырьевого Юга, так и высокотехнологичного Севера.

Анализ положения современной России можно провести на основе факторной модели интегральной мощи, разработанной Институтом экономических стратегий. По ряду характеристик Россия является сверхдержавой. Это, например, территория, нефтегазовый, транспортный и водный потенциалы или ядерные стратегические силы. По ряду факторов РФ - крупная мировая держава в сфере обычных вооружений, технологических возможностей, человеческих ресурсов, образования, культуры, науки. Однако существует блок факторов, где Россия заурядно слаба, это прежде всего государственное управление и внешняя политика. Таким образом, нынешнее место России неустойчиво. На это влияют не только внутренние процессы, но и общемировые, связанные с последствиями мирового кризиса.

В таком же неопределенном состоянии пребывает формирующийся *Глубокий Юг*. Этот “архипелаг территорий”, включающий Балканы, Кавказ, Памир, криминальные интерсообщества, асоциальные организации и проч., на современном этапе характеризуется широким использованием криминально-террористических технологий.

Технологии Глубокого Юга имеют отношение не только к наркотрафику, хотя он составляет, наверное, самую заметную и знаменитую часть паразэкономики, но также многочисленные сегменты теневой деятельности, тесно связанные с экономикой легальной.

Отношения между геоэкономическими регионами развиваются параллельно национально-государственным и создают особую иерархию мироустройства, связанную со стилями деятельности. Например, в рамках сценария развития мирового ресурсного кризиса на территориях Глубокого Юга параллельно с широким использованием, “индустриализацией” криминально-террористических технологий вполне вероятно организация масштабной и высокорентабельной (в краткосрочной перспективе) утилизации ранее созданного хозяйственного потенциала. Распространение же данного квазиэкономического стиля на переживающие кризис промышленные зоны способно на фоне их фактической деиндустриализации (снижающей спрос на сырье) параллельно создавать массовое “производство” дешевых вторичных ресурсов, ослабляя тем самым биосферную и сырьевую угрозу. Кроме того, при сверхприбыльном характере процесса растет интенсивность кредитно-денежных операций и расширяется сфера действия финансовых инструментов, создающих механизмы извлечения сверхприбыли в виде разнообразных геоэкономических рентных платежей.

Описанная модель “геоэкономического регионализма” является достаточно нечеткой. В отличие от устойчивых границ привычной государственно-административной карты планеты очертания геоэкономических макро и метарегионов носят зыбкий и несфокусированный характер. Тем не менее, эта модель позволяет спрогнозировать сценарии общественного развития.

5.3. Прогнозы развития геоэкономических регионов

Основные тенденции развития современного глобального мира связаны с изменением полюсов и центров силы. Многие исследователи и политики выделяют две основные особенности: во-первых, усиление противостояния между США и Европой, во-вторых, смещение центра мировой политики из Атлантики в Тихий океан. Так, в докладе, подготовленном при участии американского Национального разведывательного совета “Глобальные тенденции 2015”, предсказывается коллапс американо-европейского союза частично из-за растущих торговых противоречий и борьбы за лидерство при решении вопросов безопасности. Во многом это связано с тем, что положение глобального лидера отнюдь не безоблачное. Соединенные Штаты Америки становятся год от года все слабее, что отчетливо показало развитие финансового кризиса 2007-2008 гг., называемого Великой депрессией XXI в. Восстановление экономики США

происходит очень медленными темпами, безработица по-прежнему выше 9%, а рост ВВП не превышает 2% в год. В августе 2011 г. впервые с 1917 г. Международное рейтинговое агентство Standard & Poor's понизило долгосрочный кредитный рейтинг США, присвоив ему прогноз "негативный". Понижение рейтинга США объективно отражает фундаментальные проблемы экономики страны, решение которых займет не менее десяти лет.

По причинам преимущественно внутриэкономического и политического характера США сегодня не в состоянии исполнять ту роль, которую им следовало бы играть в деле финансовой поддержки международных организаций, развития международных отношений и обеспечения прав человека. Они все больше задерживают платежи в международные организации или переходят к последним в оппозицию, как, например, это произошло в отношении ЮНЕСКО. Вместе с тем аналитики отмечают, что если Америка и кажется кому-то слабой и гниющей сверхдержавой, то лишь в сравнении с тем, какой она была после Второй мировой войны. Даже в условиях нарастающих кризисных явлений 2011 г. доля США в мировом объеме производства составляла 20%, в торговле - 11%, в финансовых активах - 30%, а около 60% всех мировых валютных резервов деноминированы в долларах². Известный американский политик З. Бжезинский подчеркивает, что у США есть шанс сохранить свое лидерство еще и потому, что ни одна другая страна не способна играть роль, которую потенциально способна играть Америка и которую она должна играть.

Обострение американо-европейских противоречий связано не только с изменением роли США, но и с ограниченным геоэкономическим потенциалом ЕС. Это определяется двумя основными причинами:

- тяжелой демографической ситуацией. Экономика Европы полностью зависит от импортной рабочей силы, в ее населении растет доля диаспор, часто и оппозиционных традиционным европейским ценностям;
- чрезвычайной разнородностью нынешнего состава ЕС.

Кроме того, финансовый кризис оказал значительное воздействие на зону евро, основными проблемами которой являются большие долги некоторых стран-членов ЕС, искусственная жесткость внутренних валют, нестабильность прибыльных активов банков, несовершенство банковского законодательства и др. В результате даже при наличии достаточно развитой экономики и перспектив выйти в будущем на приличные темпы роста ЕС новым гегемоном стать не сможет.

Более благоприятны шансы на лидерство в мировой экономике и политике Нового Востока. Так, на Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) уже приходится 60% мирового суммарного ВВП и 50% всей международной торговли. В регионе, насчитывающем более 3 млрд жителей (половине из которых нет и 25 лет), формируется мощный потребительский рынок, равный по объему американскому и европейскому, вместе взятым. Значимым становится Новый Восток и с других позиций: военной (здесь находятся важные в стратегическом отношении районы, позволяющие контролировать практически все планетарное пространство); коммуникационной (проходят мировые транспортные линии); сырьевой (имеются

глобальные запасы энергоносителей, полезных ископаемых и сырья). В 2009 г. именно АТР стал лидером восстановления глобальной экономики благодаря устойчивым мерам бюджетной политики и уверенному внутреннему спросу.

Однако в современный период Новый Восток представляет собой зону высокой неустойчивости, определяемой целым рядом факторов. Прежде всего, это разнообразие действующих на региональной геоэкономической арене субъектов. Здесь представлены как мировые экономические лидеры — Япония, Республика Корея, Китай, высокие темпы развития и агрессивная внешнеторговая политика которого поражают остальной мир два последних десятилетия, так и одно из самых отсталых внутриконтинентальных государств - Монголия и Мьянма — по сути, феномен почти полной закрытости. Очевидно, что такая пестрота состава предполагает постоянно меняющееся соотношение сил между странами, а также между этим регионом и остальным миром.

Вторым фактором нестабильности Нового Востока можно считать отсутствие явного регионального лидера. АТР - регион, где наблюдается экономическое противоборство КНР и Японии, в военно-политическом плане доминируют США, демографически довлеет Китай, накапливает геоэкономическую мощь Индия.

Очевидно, что каждое из государств региона имеет собственные интересы, определяющие стратегию поведения на международной арене, а значит, и собственный проект будущего.

Поэтому одним из наиболее вероятных сценариев развития этого района является его превращение в зону противоборства прежде всего геоэкономических центров силы. Следствием этого станут геоэкономические конфликты с целью получения незначительных преимуществ по отношению друг к другу в борьбе за влияние на другие страны.

США формулируют свои интересы на Тихом океане, оперируя больше национальными категориями, чем категориями политики поддержания мирового порядка. В среднесрочной перспективе считается неизбежным превращение Китая в великую державу. США видят в нем партнера при реализации задачи погасить региональные очаги конфликтов, такие как Корея и Тайвань. Тем самым США приемлют региональную роль Китая, равно как они активно поощряют роль Японии в регионе. Подобная корректировка курса диктуется осознанием того, что американскому доминированию на море в Северо-восточной Азии — Азиатско-тихоокеанском регионе (СВА-АТР регионе) не угрожает ни один из региональных игроков, ни их коалиция. Укрепляя доверие между региональными игроками, Вашингтон надеется нейтрализовать сохраняющиеся риски. Китай, часто оцениваемый политиками как восходящая региональная держава, находится в самой сложной фазе развития, начиная с установления экономической открытости более 20 лет назад. Все более отчетливо проступает принципиальный конфликт между рыночной экономикой и авторитарной политической структурой. В 2007 г. КНР стала первым торговым партнером Республики Корея вместо США. В первой половине 2010 г. Китай превратился в крупнейшего партнера по торговле Японии, заменив Соединенные Штаты. В 2010 г. самое большое количество торговых сделок АСЕАН пришлось на Китай. Однако усиление роли Китая в

региональной политике не означает, что эта страна уже превратилась в мировую державу, располагающую достаточными ресурсами для того, чтобы существенно влиять на глобальное соотношение сил. Доля ВВП на одного китайца составляет только 14% от аналогичного американского показателя и 20% от японского. Таким образом, при общем большом весе китайской экономики в мире стандарты жизни населения остаются достаточно низкими, и в случае лидерства в будущем останутся в целом ниже, чем в развитых странах. По оценкам экспертов, Китай при сохранении нынешних темпов роста экономики станет мировым лидером к 2030 г.

К тому же существуют колоссальные макроэкономические проблемы, связанные с необходимостью осуществления структурной перестройки, выравниванием региональных диспропорций, борьбой с безработицей и бедностью. Сохраняются и серьезные трудности в финансовой политике, что объясняется прежде всего стремлением правительства удержать юань от девальвации. Действуют и другие ограничители, среди которых выделяют: минимальный уровень охраны труда на предприятиях, слабое природоохранное законодательство, сложнейшую и защищенную государством систему подделок и промышленного пиратства, широкомасштабное государственное субсидирование отдельных отраслей промышленности, непробиваемые таможенные протекционистские барьеры на импорт и др.

Вместе с тем Китай является наиболее перспективным кандидатом на лидерство не только из-за своего политического значения, но и потому, что живущие за рубежом китайцы и их капиталы могут внести важный вклад в экономическое обеспечение претензии Китая на роль доминирующей державы региона. Япония, политическая позиция которой определяется прежде всего ее экономической мощью, в ходе азиатского кризиса утратила свое значение в региональной политике, уступив пальму первенства Китаю. Стагнация 1990-х гг., инвестиционная немощь, обвал цен на акции и недвижимость, политическая слабость и старение населения стали сегодня факторами, делающими невероятным японское господство в Азии. Особое значение в потере возможности утверждения страны в качестве регионального лидера имела и проблема японской идентичности. Японское общество не воспринимает себя как азиатское, но и не идентифицирует себя с западным: сегодня оно “сидит между всеми стульями сразу”.

Таким образом, за США в регионе пока остаются ключевые позиции. Поэтому не исключена возможность образования обширной “зоны экономического процветания” Тихого океана, в которой Соединенные Штаты играли бы определяющую роль во всех областях. Оправданность этого сценария зависит от нескольких моментов. Во-первых, от поддержания американского военного присутствия в западной части Тихого океана, чего желают все государства данного региона для создания противовеса растущей мощи Китая или установления лидерства Японии. Во-вторых, от смещения приоритетов в американской внешней политике - “отходом от реальной политики и дрейфом в сторону прав человека и демократии”, что обычно приводит к определенному

похолоданию в китайско-американских отношениях. И наконец, в-третьих, от собственных амбиций, или скорее интеграционных мотивов стран, претендующих на лидерство в регионе. Учитывая, что главным принципом интеграционной мотивации в межгосударственных отношениях является консолидированная ответственность за региональное и планетарное развитие, предполагающее — при определенных обстоятельствах и на определенных условиях - преодоление преграды, именуемой “национально-государственным суверенитетом”, именно третий из названных факторов имеет особое значение для формирования геоэкономического пространства региона.

В этом плане интересно мнение итальянских авторов Жана К. и Савоны П., подчеркивающих, что действительно Япония как будто ориентирована на продолжение не очень активной политики в Восточной Азии. “Главное для Японии - войти в Совет Безопасности ООН. Гораздо меньше усилий она прилагает для того, чтобы занять главенствующее положение на Юго-Востоке Азии. Таким приоритетам соответствуют шаги Японии, направленные на интернационализацию ее финансово-промышленной мощи. По-видимому, речь идет о блестящем замысле косвенной стратегии, цель которой - усилить мировое значение Токио, не пугая при этом другие страны и не компрометируя тем самым ее экономическую экспансию”. Определенным подтверждением этого мнения является и позиция Японии в вопросе создания Азиатского валютного фонда в период азиатского кризиса, характеризующаяся постепенным отходом от начальной идеи под давлением США. Иную политику проводит КНР, которая успешнее других вышла из мирового финансового кризиса 2007-2008 гг. Пытаясь упрочить положение страны на глобальной арене, правительство Китая активно продвигает юань как платежное средство на международных торговых рынках. С июня 2010 г. в стране разрешено расплачиваться за импорт в юанях, а 365 китайских компаний, экспортирующих свою продукцию, также принимают оплату в национальной валюте.

Таким образом, поток юаней хлынул через китайскую границу, при этом большая его часть осела на депозитах в Гонконге. По некоторым оценкам, к концу 2010 г. вклады в юанях в Гонконге достигли 300 млрд.

Третьим фактором нестабильности Нового Востока можно назвать отсутствие адекватной условиям модели региональной интеграции, обеспечивающей открытость рынков и сотрудничество всех заинтересованных сторон типа ЕС. В результате Новый Восток характеризуется развитием нескольких геоэкономических пространств: это АТЭС и АСЕАН, претендующие на роль ядер в своих субпространствах; это “Большой Китай” (КНР, Тайвань и Сингапур), будущее которого определит и судьбу всей Юго-Восточной Азии; это австралийско-новозеландский центр, способный объединить вокруг себя государства Океании; отдельную группу занимают страны Латинской Америки и др.

Итоги развития одной из самых авторитетных организаций - Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) - показывают весьма ограниченные возможности для глубокой и тем более всеобъемлющей интеграции

развивающихся и новых индустриальных стран, т. е. интеграции без участия старых индустриальных демократий и именно на субрегиональной основе.

АСЕАН предпринимала попытки осуществлять экономическое сотрудничество в форме классической зоны свободной торговли (АФТА). Но в период повсеместного снижения таможенных пошлин это приносит лишь незначительную экономическую пользу. АСЕАН и ее региональный форум (АРФ) еще продолжают дискуссии о развитии разделяемых всеми странами представлений об интеграции и безопасности. Поэтому некоторые страны региона, например Сингапур, уже перешли к тому, чтобы укреплять свою безопасность за счет форсирования двустороннего сотрудничества с соседними государствами и Соединенными Штатами Америки. Подобные оценки выносятся и пантихоокеанскому форуму Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Однако развитие азиатского кризиса показало, что настаивание на национальном суверенитете и отказ от региональной интеграции могут привести к резкой утрате суверенитета и что риски дезинтеграции гораздо больше, чем опасности интеграции. К тому же направляемая интеграция лучше отвечает интересам государств, чем поиск одних лишь внутренних ресурсов роста и попытки решать межгосударственные проблемы в рамках двусторонних отношений. Поэтому, несмотря на критику АСЕАН, видимо, именно это объединение будет оставаться основой для региональной интеграции.

С учетом геоэкономических интересов стран достаточно перспективным становится расширение АСЕАН путем привлечения Японии, Китая и Южной Кореи, курс на которое обозначен в программных документах организации “Видение АСЕАН 2020” (1997 г.) и Ханойской декларации о сокращении разрыва в экономическом развитии ради более тесной интеграции АСЕАН (2001 г.). Они закрепили ориентиры на создание к 2020 г. Сообщества АСЕАН, основанного на тесном сотрудничестве в сферах политики и безопасности, экономической интеграции и социально-культурного взаимодействия. В этом проекте будущее Сообщество было представлено как динамично развивающееся объединение, открытое внешнему миру, но при этом нацеленное на мобилизацию внутреннего потенциала и придающее все большее значение “человеческому измерению” сотрудничества.

В отличие от Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества новая организация носит однозначно региональный характер и представляет специфический азиатский проект. Он содержит в себе элемент “Thinking East Asian”, т. е. сознательного дистанцирования от Запада и его ценностей.

Определенным подтверждением этого могут служить и решения о создании зоны свободной торговли в масштабах всей так называемой Большой Восточной Азии, вызванные, с одной стороны, необходимостью противостоять международным экономическим блокам вроде ЕС и НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле, англ. North American Trade Agreement, NAFTA), с другой - определением странами Восточной Азии собственного места в мировом сообществе.

С поиском новой модели сотрудничества связано и развитие так называемого монетарного регионализма, предполагающего более интенсивные связи в сфере финансов, чем в торговле. Как свидетельствует практика раундов по вопросам международной торговли последних лет, торговые соглашения вызывают политические осложнения и на их достижение уходит много времени. Финансовые же соглашения могут осуществляться без дискриминации аутсайдеров в отличие от большинства торговых сделок.

Сущность *монетарного регионализма* можно определить как создание особой самостоятельной финансовой системы для стабилизации валютных и финансовых отношений путем поэтапного процесса интеграции стран региона. При этом на первом этапе был бы создан региональный фонд ликвидности. На втором этапе ставилась бы задача формирования региональной валютной системы по образцу Европейской. На третьем этапе после введения общей валюты и создания регионального эмиссионного банка произошло бы оформление Восточноазиатского сообщества. Реализация этого проекта уже началась с создания Азиатского валютного фонда (АВФ). Предполагается, что фонд будет иметь несколько функций: планировалось использовать его средства для предотвращения валютных спекуляций, направлять их на улучшение ликвидности в случае обострения проблем платежных балансов и одновременно помогать финансировать долгосрочные меры по реструктуризации. Азиатский валютный фонд должен предлагать менее унифицированную и менее пунктуальную программу, чем Международный валютный фонд.

Параллельно в рамках АСЕАН+3 начинают рассматриваться и другие планы, например по строительству трансконтинентального железнодорожного пути от Сингапура до Пекина. Возникают и новые региональные институты. Так, для выработки идеологических и культурно-исторических основ интеграции стран Восточной и Юго-Восточной Азии была создана специальная Восточно-Азиатская наблюдательная группа. В результате выполнения намеченных программ в Азии может появиться огромный общий рынок с населением более чем 0,5 млрд чел. и с ежегодным объемом внутреннего продукта примерно 800 млрд долл.

Формирование азиатского регионализма для его стран-лидеров происходит с ориентацией на воспроизводственную (геоэкономическую) модель внешнеэкономического сотрудничества, которая значительно отличается от снабженческо-сбытовой и торгово-посреднической моделей. Такая геоэкономическая ориентация меняет содержание внешнеэкономических отношений в регионе. Дело в том, что появление Нового Китая на международной экономической арене может стать началом конца традиционной Восточно-азиатской модели экономического развития, называемой “летающими гусями”. В соответствии с ней азиатская страна начинает производство на экспорт простых товаров, полученная прибыль реинвестируется и идет на совершенствование основного капитала, направляемого затем на более сложное производство. Китай первым из восточно-азиатских государств отказался от такого пути развития, одновременно экспортируя как простые, так и сложные товары. Однако

возникающие при увеличении экономической мощи Китая проблемы для его соседей не являются фатальными. На самом деле Япония вполне может выиграть из-за индустриального роста Китая (подобно тому, как она выиграла из-за роста других азиатских стран), если, подобно США, она перейдет от производства товаров к предоставлению услуг. Что касается “азиатских тигров”, то они вполне могут оказаться между центром высокорентабельного производства (Китай), с одной стороны, и центром высококачественных услуг (Япония) - с другой. Самым лучшим вариантом развития ситуации для этих стран было бы сотрудничество с Китаем таким образом, чтобы последний производил спроектированные ими товары.

Таким образом, разделение труда между странами будет проходить не по линиям “поставщик сырья - производитель” или “производитель - потребитель”, а по линии “инвестор - разработчик - производитель” в рамках единого технологического цикла от разработки продукции, ее внедрения в производство, изготовления, продажи при непосредственном финансировании всех этапов движения товара преимущественно региональными инвесторами. При такой раскладке особое значение для развития мировой экономики приобретают два следующих фактора, дополняющих список конкурентных преимуществ государств тихоокеанского геоэкономического региона:

- темпы экономического роста и масштабы промышленного производства Китая, который даже в такой специфической области, как *high_tech*, демонстрирует огромные успехи. В 2009 г. Китай обогнал Америку по объемам продаж автомобилей, в 2011 г. опередил США по объемам продаж персональных компьютеров, став крупнейшим в мире рынком для ПК-производителей после 30 лет американского лидерства в данной сфере;
- финансовые возможности Японии - крупнейшего мирового кредитора, вынужденного экспортировать капиталы, которые в силу разных причин нельзя использовать для инвестиций в самой стране.

При благоприятной политической и экономической конъюнктуре мирового рынка и решении внутрирегиональных противоречий, в том числе между Китаем и Японией, в долгосрочной перспективе развитие названных факторов может способствовать не только установлению этими странами контроля над финансовыми и технологическими потоками в собственном геоэкономическом пространстве, но и изменению сложившейся геоэкономической пирамиды, а именно распространению совокупной экономической мощи стран Нового Востока с “третьего этажа” массового производства на “второй этаж” высоких технологий в иерархии мироустройства.

Особые опасения политиков и ученых в современную эпоху вызывает развитие южных геоэкономических регионов. Макрорегион Юг, охватывающий территории индоокеанской дуги, отличается значительной сырьевой ориентацией. Существующая “нефтяная манна” используется лишь на частное потребление правящего класса и субсидирование общественного потребления. Колоссальный экспорт нефти не может заменить эффективную индустриализацию, способную удовлетворить внутренние потребности страны и стимулировать на создание

национальным хозяйством своей ниши на мировом рынке. Поэтому страны Юга не играют активной роли на глобальной арене. Они остаются пассивными игроками, вынужденными в одностороннем порядке приспосабливаться к мировой системе, даже несмотря на то что запасы нефти в регионе важны для западных потребителей. Неудивительно, что другие государства берут на себя инициативу по выдвижению “предложений”, которые обязаны выполнять субъекты Юга. В случае ухудшения ситуации на Ближнем Востоке и решительных действий в регионе высока вероятность возникновения серьезного кризиса в отношениях США с ОПЕК, организацией, теснейшим образом связанной с арабским и мусульманским миром. Все это вместе взятое вынуждает Америку продумывать - в полном соответствии с логикой преадаптации - стратегический дизайн альтернативной нефтегазовой конфигурации глобального масштаба. Ее опорными точками могли бы стать помимо играющего свою особую роль Северного нефтяного бассейна Европы: 1) Россия (а также все пространство Каспийского нефтяного бассейна); 2) нефтедобывающие немусульманские страны Африки, расположенные к югу от Сахары (прежде всего Ангола); 3) Латинская Америка (Мексика и Венесуэла).

К макрорегиону Юга тесно примыкает метарегион Глубокий Юг, характеризующийся как криминальный “двойник” мирового хозяйства, что проявляется в наличии параллельных легальных и нелегальных институтов и видов деятельности. (В ряде своих работ А. Неклесса отмечает, что знаменитая “Аль-Каида” - это ведь тоже своего рода НПО, активно использующая самые современные механизмы цивилизации.)

Геоэкономический подход к анализу развития теневой экономики Глубокого Юга позволяет утверждать, что ее основные тенденции определяются не локальными, а общемировыми факторами, связанными с эволюцией мирового рынка и мировой политики. Например, наркобизнес демонстрирует тесную взаимосвязь экономического и политического развития, определяемую противоборством “ядра” и “периферии”. Если до середины XX в. героин играл роль инструмента торговой экспансии “ядра” против “периферии”, то теперь, напротив, он защищает наиболее отсталые страны от экономической деградации. Именно “периферия” получает сейчас значительные выгоды от нелегального предложения наркотиков, страны же “ядра” болезненно переживают потери от массовой наркомании. (По экспертным оценкам, доходы от продажи опиатов достигают 68 млрд долл., а от кокаина 85 млрд долл. в год). Таким образом, развитие криминальных технологий Глубокого Юга ведет к формированию новых видов геоэкономической ренты.

Другой важной характеристикой рассматриваемого метарегиона является экономика терроризма. Ее основой выступает **международный терроризм**, который по формулировке проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества ООН включает совершение, организацию, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства актов против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или

собственности и которые по своему характеру имеют цель вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом.

Организация экономики терроризма подчиняется общим закономерностям организации теневого двойника мирового хозяйства. Как отмечает А. Неклесса, современный мир испытывает нарастающее давление диверсифицированных, определенным образом мотивированных сетевых организованностей, использующих для достижения собственных либо поставленных извне целей террористические методы и широкий спектр средств, созданных высокоиндустриальной/постиндустриальной цивилизацией. Целеполагание подобных организмов напоминает “русскую матрешку” - одна цель как бы “вложена” в другую, и определить самую главную, изначальную, с которой, собственно, и начинается “сборка” матрешки, бывает непросто. Особенно ярко это проявляется в финансировании терроризма, источники которого: помощь “стран_изгоев”, самоснабжение за счет теневой экономики и помощь частных лиц. Знаковой фигурой в этом отношении был Усама Бен Ладен, миллионер из Саудовской Аравии, начинавший как спонсор афганских моджахедов, а затем и сам вставший в их ряды. Отдельного внимания требует феномен “рисковых государств”, бросающих международному сообществу государств двойной стратегический вызов: с одной стороны, оно должно реинтегрировать “рисковые государства” в международное сообщество, а с другой - не допустить скатывания склонных к этому государств в “зону риска”.

Рисковые государства (“государства-негодяи”, “государства-изгои” или “государства-парии”) - это такие государства, которые одной из своих главных приоритетных целей считают подрыв других государств и используют для этого необычные виды насилия. Они практически неизбежно имеют репрессивную диктатуру, поддерживающую режим, представляющий внешнюю угрозу.

Давление асоциальных параэкономических технологий Глубокого Юга на развитые регионы мира становится настолько сильным, что некоторые исследователи говорят о возникновении признаков очагового распада цивилизации (ярким примером чему могут служить Афганистан, Чечня, Таджикистан, некоторые африканские территории и т. д.). Еще более резко сформулировал свою позицию Международный институт стратегических исследований (IISS) в докладе о тенденциях мировой политики. Его вывод: главную угрозу для человечества представляют сейчас региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество “балансирует на грани между миром и войной”.

5.4. “Российский проект” в геоэкономике

Рассматривая особенности основных геоэкономических регионов нельзя не затронуть и роли в их развитии России.

Отношения с Новым Севером и Западом для нашей страны достаточно противоречивы. Во многом это связано с тем, что Россия, лишенная на протяжении длительного времени собственной внятной стратегической

инициативы и конструкции, оказывается встроенной в активно создаваемую чужую, закрепляющую за ней роль управляемого объекта, сокращая таким образом пространство суверенности, сужая спектр геоэкономических возможностей страны и ее значимых стратегических инициатив в наступившем столетии.

Более активная роль России возможна в развитии Нового Востока. Именно здесь, в АТР, РФ непосредственно соприкасается с крупнейшими (кроме ЕС) экономиками мира - США, Японией и Китаем, АСЕАН, Индией и быстро растущими странами Латинской Америки. Кроме того, этот геоэкономический регион представляет для нашей страны сферу жизненно важных интересов: две трети России находятся в Азии, здесь проживает более 30 млн российских граждан и сосредоточено 60–80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения - от леса, пресной воды, цветных и редких металлов до нефти, газа, каменного угля и т. д. АТР является единственным регионом мира, с которым Россия стабильно увеличивает объем торговли (на его долю приходится почти 15% внешнеторгового оборота России), однако РФ не смогла занять рынки АТР. Присутствие ее в экономическом пространстве АТР крайне низко и составляет менее 1%.

Активизация роли нашей страны в рамках Нового Востока сопряжена с решением следующих задач:

- поддержание стабильности и экономического роста как страны в целом, так и особенно ее восточной части, которая выступает локомотивом интеграции России в АТР;
- обеспечение безопасности, суверенитета и территориальной целостности России;
- обеспечение наиболее благоприятных внешних условий для развития страны, осуществление политики внутренних преобразований;
- адаптация и активное включение в интеграционные процессы в АТР на принципах равенства и открытости.

Задача включения России в региональную интеграцию институционально отчасти решена с принятием страны в состав АТЭС. Это тем более важно, что в 2011 г. на участников этой организации приходилось 57% мирового ВВП, 48% оборота международной торговли, более 40% объема прямых иностранных инвестиций и около 40% населения мира.

Вступление России в формирующееся объединение АСЕАН+3 является проблематичным в силу различных культурных, политических и экономических причин. Поэтому наиболее предпочтительной для страны многие исследователи считают интеграцию как на многосторонней, так и на двусторонней основе с упором на развитие торгово-экономических связей и защиту экономических интересов (рыболовство в экономических зонах стран Восточной и Юго-Восточной Азии, продвижение проектов в атомной и гидроэнергетике, добыче и переработке нефти, продаже военной техники и вооружения и др.). Такой подход во многом определяется сложившимся в последнее время разделением труда между регионами страны, где азиатской части России по существу отводится роль

только производителя продукции сырьевых отраслей. По данным на конец 1990-х гг. на долю восточных районов приходилось около 25% производства электроэнергии, более 50% производства продукции топливной промышленности, более 50% производства цветной металлургии, примерно 20% продукции лесной и деревообрабатывающей, пищевой и рыбной промышленности. При этом стратегической слабостью российского Дальнего Востока - “окна в АТР” - является разительный дисбаланс между богатыми природными ресурсами и большим ресурсным потенциалом экономического развития региона, с одной стороны, и его малонаселенностью - с другой. Этот дисбаланс не позволяет рассчитывать на формирование емкого дальневосточного рынка и собственных накоплений, необходимых для создания современной экономической инфраструктуры и использования природных ресурсов для социально-экономического развития региона. Поэтому в экономическом аспекте для России жизненное значение имеет использование азиатско-тихоокеанских капиталов, рынков и интеграционных дивидендов в интересах подъема его экономики.

Однако ориентация на преимущественное развитие сырьевого сектора при всех существующих опасениях потери страной и этой ниши мирового рынка вряд ли может считаться выигрышной стратегией в нарастающей конкурентной борьбе. Такой подход оставляет Россию в рамках заведомо устаревшей торгово-посреднической модели внешнеэкономического сотрудничества. Мизерный удельный вес страны в мировой торговле фактически исключает страну из мировых воспроизводственных циклов. Россия выбрасывает “вовне” свои ресурсы, сохраняя структурно перекошенный товарооборот и структурную деформацию экономики с гипертрофированно развитым металлоемким и энергоемким циклопическим машиностроением.

С этой точки зрения можно согласиться с мнением А. Неклессы, что сохранение ресурсо-сырьевого направления деятельности обозначает для страны все большее слияние с пространством Глубокого Юга и при криминализации экономики и общественной жизни, огромной финансовой задолженности и др. предрекает наихудшую перспективу для России в международном сообществе и мировом хозяйстве XXI в. Необходимость преодоления действия негативных для отечественной экономики факторов требует формирования особой стратегии прорыва на основе учета геоэкономических интересов страны. Важнейшей целью стратегии должно стать создание воспроизводственной (геоэкономической) модели внешнеэкономического сотрудничества. Очевидно, что в выработке такой стратегии геоэкономический регионализм может сыграть особую роль.

Развитие тихоокеанского геоэкономического региона предполагает смену приоритетов внешней политики государства, так как главным направлением внешнеполитической активности России в дальнем зарубежье устойчиво выступает Западная Европа, на которую приходится около трети обменов зарубежными визитами. В последнее время российская внешняя политика стала более диверсифицированной, особенно за счет развития и возобновления контактов со странами Азии. В этом плане перспективным направлением должна стать активизация отношений с развивающимися странами Востока.

Таким образом, в формирующейся системе регионального разделения труда РФ может найти себе место, определяемое наличием не столько традиционных сырьевых ресурсов, сколько так называемого человеческого капитала. Тем более что согласно докладом ООН о развитии человека за 2003–2010 гг. ряд индексных показателей, в том числе уровень образования, по нашей стране существенно не отличается от показателей развитых стран и значительно превосходит соответствующие показатели КНР. Однако такое положение не может сохраняться долго, ибо за последний период КНР демонстрирует один из наиболее быстрых темпов прогресса в развитии человеческого потенциала среди стран среднего уровня развития. К тому же в Китае начинают осознавать, что нынешняя модель развития на основе внутренней мобилизации ресурсов имеет пределы, и дальнейшее ускорение экономического роста будет требовать технологического прогресса на основе внедрения инноваций, которые невозможны без вложения высококачественного человеческого капитала. Реализация этого подхода, как представляется, имеет стратегическое значение, в том числе и для активизации России на международном рынке образовательных услуг.

Проблема непосредственной экономической выгоды долгосрочного геоэкономического проекта РФ весьма непростая, учитывая и сложность оценки рыночной стоимости интеллектуального продукта, и “схваченность” мировой торговли наиболее популярными его видами (скажем, в сфере программного обеспечения или аппаратной части информационной индустрии). Имеющиеся приблизительные оценки совокупной интеллектуальной собственности России оперируют все же цифрами порядка нескольких сотен миллиардов долл. (правда, при этом следует учитывать постоянно происходящее “размывание” этих активов как за счет их интенсивной, демпинговой утечки за рубеж, так и просто за счет устаревания). Потенциал же ежегодного объема производства интеллектуального продукта в стране оценивается специалистами до нескольких десятков миллиардов долларов. (Интересно отметить, что, по замечаниям А. И. Неклессы, человеческий капитал России и сейчас работает, но преимущественно по прямым связям с североатлантическим регионом и, возможно, еще в большей степени с экономическими субъектами Большого тихоокеанского кольца. При этом сделки совершаются в серой зоне, на 99% используя ресурсы Интернета.) Создание же условий для эффективной легальной работы инновационных ресурсов будет содействовать возникновению воспроизводственной модели внешнеэкономического сотрудничества, что позволит России, “вписавшись” в геоэкономическое пространство стран_лидеров СВА на правах стратегического партнера, подключиться к мировым воспроизводственным циклам.

Ориентация на создание воспроизводственной модели внешнеэкономических связей (ВЭС) в рамках нового регионализма может способствовать и решению проблем внутреннего российского регионализма. В современной России сложилось так, что региональные органы власти, как правило, мотивированы скорее геоэкономическими, чем геополитическими соображениями. Переплетение геоэкономики и геополитики особенно заметно на примере приграничных

регионов, которые вынуждены решать реальные проблемы жизнеобеспечения, в том числе с помощью ресурсов экономической интеграции с зарубежными партнерами. Заинтересованность региональных властей в приграничном сотрудничестве способствует появлению и внедрению в практику новых моделей международного взаимодействия.

Однако приверженность регионов геоэкономической стратегии не означает бесконфликтности в ее реализации. К примеру, зависимость от иностранных товаров или рабочей силы может иметь негативные геоэкономические последствия для регионального хозяйства. Ярким доказательством этого является вполне обозначившаяся товарная и демографическая экспансия Китая на Дальнем Востоке. К еще более опасным результатам могут привести часто предлагаемая в качестве “панацеи от бед” интеграция через разные совместные проекты, свободные экономические зоны.

Геоэкономический подход должен внести существенные коррективы в формирование российской внешней и внутренней политики с учетом интересов национальной, а в ее рамках и региональной безопасности: защита не только суверенитета и суверенных границ, но и далеко вынесенных за национальные рамки геоэкономических границ как зон экономического влияния.

Такой подход, как представляется, предполагает серьезный анализ на всех уровнях власти и выбор для осуществления только тех проектов, которые отвечают, по крайней мере, двум тесно взаимосвязанным требованиям. С одной стороны, способствуют действию центростремительных, а не центробежных сил в рамках формирующейся модели отечественного федерализма, с другой - прямо или косвенно содействуют созданию условий для формирования воспроизводственной модели внешнеэкономического сотрудничества. Это означает, что, во-первых, включение России в тихоокеанское геоэкономическое пространство должно проходить не только через отдельные регионы, испытывающие давление двойного провинциализма: собственного центра и азиатского регионализма. Поэтому проблему региональной интеграции для нашей страны необходимо рассматривать как проблему стратегического “вписывания” всей России в геоэкономику региона. Во-вторых, остро необходимое для страны создание воспроизводственной модели ВЭС может, безусловно, начинаться с точек роста - отдельных регионов, обладающих определенными конкурентными преимуществами. При этом важно не просто извлечь выгоду из своего географического положения или даже правильно позиционироваться, необходимо определить, какие факторы внутрирегионального развития могут поддерживать геоэкономические интересы других стран. (Игнорирование этого положения, проявившееся, например, в отсутствии условий массированного привлечения финансовых ресурсов для создания инфраструктуры для работы иностранного капитала, стало причиной неудачи эксперимента по развитию свободных экономических зон - СЭЗ - в России).

С точки зрения учета этих требований особого внимания должна заслуживать стратегия создания на территории России единой коммуникационной системы -

своего рода транспортного плацдарма, соединяющего ЕС и АТР и позволяющего стране стать необходимым участником воспроизводственного процесса региона.